

Алина Углицкая & Лилия Орланд

Хранитель
для чужой жены

Алина Углицкая
Лилия Орланд
Хранитель для чужой жены
Серия «Заложница долга»

<https://litres.ru/72816767>

SelfPub; 2025

Аннотация

Соглашаясь на брак с герцогом Гидеоном Минрахом, Хлоя не знала, что ее жизнь превратится в кошмар. Под замком, под надзором и под подозрением, она мечтает лишь об одном — уйти вслед за любимым.

Но утренний приступ тошноты меняет все.

Кто она теперь — пленница, жертва, мать... или пешка в чужой игре?

Кто эта молчаливая горничная, которая следит за каждым ее шагом?

И кто насылает сны, в которых Хлоя видит любимого?

Возможно, это дело рук ее мужа — темного мага. А возможно, это судьба дает второй шанс.

В мире, где долг превышает личного счастья, Хлое придется сражаться одной — за себя, за свою любовь и за жизнь своего ребенка.

Заключительная часть дилогии!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	42
Глава 6	52
Глава 7	64
Глава 8	75
Глава 9	86
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Алина Углицкая,

Лилия Орланд

Хранитель для чужой жены

Первая книга здесь: [Защитник для чужой невесты](#)

Глава 1

С того момента, как погиб Авенар, прошло двадцать три дня. Я считала их – не по календарю, а по черным зарубкам в памяти.

Герцогство Минрах располагалось на самой юго-западной точке королевства, и весна здесь уже всю сменялась летом. Но мне все еще было холодно. Холод шел изнутри. Солнце не грело. Звуки раздражали. Еда имела вкус тлена.

Я мечтала исчезнуть. Раствориться, как утренний туман над рекой. Но даже эту возможность у меня отняли. Я больше не принадлежала себе. Мое тело, моя жизнь стали собственностью Гидеона Минраха.

Мой муж. Или скорее – мучитель. Навязанный судьбой, чужими ошибками и, быть может, собственной глупостью. Он приставил ко мне горничную. Та не отходила ни на шаг – ни днем, ни ночью. Сопровождала даже в уборную, спала в смежной комнате и вскакивала при малейшем моем движении.

Вот и сейчас, наблюдая за мной одним глазом, она отворила тяжелую дверь и дождалась, пока в комнату, больше похожую на камеру, внесут поднос с завтраком.

Я в это время сидела у окна, глядя на зарешеченное стекло. За ним виднелось чистое небо, обещающее погожий

день. Услышав скрип двери, не обернувшись, не издала ни звука. Я давно научилась молчать. Это было единственным способом сопротивления, который у меня остался.

– Вам нужно поесть, госпожа, – сказала горничная, ставя поднос с кашей и теплым чаем на прикроватный столик.

Она выглядела лет на десять старше меня. Темноволосая, высокая, жилистая. С дерзким прищуром и мягким голосом, в котором сквозила натянутая ласковость. Каждое ее движение казалось слишком выверенным, словно она отчитывалась за каждый шаг.

Перед кем? Перед герцогом. Он послал ко мне не просто слугу – надзирательницу и шпионку. Я не сомневалась в этом ни на миг.

За то короткое время, что я провела в этом замке, мне кое-что стало понятно. Здесь никому не нужна новая герцогиня и тем более ее будущий отпрыск.

Мои новые родственницы – свекровь и золовки, с радостью бы избавились от меня, как, вероятно, избавились от моих предшественниц. Но по какой-то причине герцог запретил меня трогать. Запер в этой крошечной комнате под крышей самой высокой башни, поставил охрану и каждую ночь приходил, чтобы исполнить “супружеский долг”.

Чтобы выжить, мне приходилось терпеть. Сопротивление было бессмысленным. Одна, в чужих землях, лишенная любой поддержки, я стала его бесправной игрушкой. Единственное, что мне оставалось, это молиться Всемогущему и

надеяться, что однажды эта попытка закончится.

Я знала, чего он хочет – мой муж. Стереть из моей памяти образ Авенара, покрыть его запах на моем теле своим, вырвать из моего сердца все чувства.

Что ж, он старался как мог... А я в это время молилась и вспоминала любимого...

Вот и сегодня муж ушел на рассвете, оставив меня на скомканных простынях. А когда внесли завтрак, я равнодушно села за стол.

Но с едой было что-то не так.

Каша имела странный, металлический привкус. Травяной чай – слишком терпкий. Едва я сделала пару глотков, как живот скрутило. Тошнота подступила внезапно, словно тело протестовало против самой попытки поесть.

Я едва не уронила чашку и зажала рот ладонью.

– Все в порядке, госпожа? – горничная метнулась ко мне.

Я посмотрела на нее. В ее глазах блеснул страх. Или это была притворная тревога?

– Убери это, – хрипло выдавила я, указывая на стол.

Мой голос был слабым, но твердым.

– Вам необходимо есть. Если вы откажетесь, его светлость прикажет кормить вас насильно.

Я не сомневалась: Гидеон на такое способен. У него есть власть. И есть темная магия. Он может заставить меня сделать что угодно.

Я едва справилась с волной тошноты. Но стоило снова

взглянуть на еду – и я бросилась к ширме, за которой скрывалась уборная.

Служанка отступила к двери. Я слышала, как она что-то сказала охраннику в коридоре. Иллюзий у меня не было – одну меня не оставят.

Как ее зовут? М... Мариэтт? Мелинда? Морсина? Не о ней ли говорила Химена, когда умирала?.. Слова сумасшедшей старухи всплыли в памяти: «Гидеон Минрах никогда не будет твоим! Моя дочь – единственная, кто подарила ему сына...»

Дочь Химены. Его любовница. А вдруг это она? А вдруг она меня травит? Нет... герцог бы не позволил... Он ведь сам приказал ей следить за моим здоровьем, пока не станет ясно – беременна я или нет.

Беременна?

Я с силой закусила тыльную сторону ладони, отступая от ведра. Внутри разгоралась буря. Боль? Паника? Или, быть может, правда, наконец пробившая скорлупу горя?

– Госпожа, вам лучше вернуться в постель, – заметила горничная, подходя ближе.

Я подняла на нее глаза:

– Что ты сказала охраннику?

– Отправила сообщить его светлости о вашем состоянии.

– Зачем?

– Потому что я так приказал.

Голос прозвучал от двери – резкий, холодный, будто

сталь, брошенная на мрамор.

Я обернулась.

В проеме стоял он. Гидеон Минрах. Мой муж. Мой враг. Окинул меня цепким взглядом: жалкая, скрюченная над ведром, с побелевшими пальцами. И – усмехнулся.

В следующее мгновение он шагнул в комнату. От него пахло кожей, железом и кровью.

Я не успела отстраниться. Гидеон навис надо мной, схватил за подбородок, заставляя смотреть ему в глаза, и кивнул горничной.

Та подскочила, подхватила меня под локоть и усадила обратно на кровать.

Он остался стоять, расставив ноги в сапогах из бычьей кожи и сложив руки на груди.

– Ешь, – приказал.

– Не буду.

Я оттолкнула тарелку.

– Ты же знаешь, я могу тебя заставить. Зачем испытываешь мое терпение? Нравится играть с огнем?

Я медленно выпрямилась. Взглянула ему в лицо, хотя внутри все трепетало от страха.

– Пища несвежая, милорд. Или... отравлена.

Он подошел к столику, взял ложку. Медленно попробовал кашу. Затем понюхал чай, отпил.

– Вполне съедобно, – сказал лениво. Но рука его, сжавшая чашку, дрогнула. – Тебе в голову ударило одиночество,

Хлоя?

Я молчала. Смотрела мимо него, в открытую дверь. Охранники с алебардами мерно прохаживались за порогом.

Мне не нужно было видеть его глаза, чтобы почувствовать – что-то изменилось.

Он резко выругался и повернулся к выходу:

– Приведите лекаря. Немедленно.

– Ваша светлость, примите мои поздравления. Ваша супруга беременна.

Я лежала на узкой кровати, не двигаясь, как мертвая. Но я была жива. Слишком жива, чтобы не слышать, как герцогский лекарь льет мед в уши моему мучителю. Голос его был радостным, даже благоговейным – как будто объявлял не диагноз, а королевский указ.

Беременна.

Что ж, я не ошиблась. То, чего боялась до дрожи и втайне ждала, наконец-то случилось. Но иначе и быть не могло. С того момента, как я ступила на берег Минраха, моя беременность была всего лишь вопросом времени. И вот теперь она стала реальностью.

Гриз Ларнак – старый, трусливый, с трясущимися руками, и между тем – лучший целитель герцогства. Ему хватило взгляда на меня, чтобы поставить диагноз. Однако моего

муженька ждал сюрприз.

– Кто там? – спросил он, поморщившись на поздравления.
– Мой сын или?..

– Простите, мой господин, – заюлил лекарь. – Но сие тайна, которую не под силу узнать даже мне. Ребенок скрыт сильной защитной магией. Думаю, даже у матери нет ответа на этот вопрос.

«Спасибо! Спасибо, Всемогущий!» – я с трудом скрыла улыбку.

Гидеон не сказал этого вслух, но я знала, о чем он умолчал.

Если я беременна от Авенара, то этот малыш обязательно должен родиться. Я все для этого сделаю. Все, что смогу. Буду любить его, оберегать и защищать ценой собственной жизни. Никому не позволю ему навредить.

Но, если это ребенок Минраха... От самой этой мысли меня пробрала холодная дрожь.

Если это ребенок Минраха... Это и мой ребенок тоже. Пусть только наполовину, но мой. Я выношу его, пушу в этот мир и научу ненавидеть отца. Однажды он сделает то, для чего был рожден. Отомстит за нас с Авенаром...

Теперь у меня есть цель. И есть время, чтобы ее добиться. Голос герцога отвлек от мстительных мыслей:

– Значит, ты не можешь сказать – дочь это или сын?
– Ваша супруга – очень сильный маг, – старик развел руками. – Была бы она обычной женщиной, я бы легко опреде-

лил, кого она носит. Но сейчас вся ее сила сосредоточилась вокруг плода и ничего не позволяет мне рассмотреть. Так всегда бывает, если мать...

– Знаю и без тебя, – рыкнул Минрах. – Не надо читать мне лекции.

Лекарь прав. Если мать – магичка, то ее магия формирует вокруг ребенка защитный кокон. Причем от женщины это никак не зависит, магия в ней живет по своим законам. Однако если отец – темный маг... Его ребенок тоже будет темным. Тело матери не примет такое дитя и начнет его отторгать, потому что темная и светлая магии несовместимы.

Но я не просто маг. Я целитель. Именно потому герцог выбрал меня. Я смогу выносить его сына. А если повезет, то еще и останусь жива...

– Что ж, объявите эту весть вдовствующей герцогине и моим сестрам, – бросил мой муж своему адъютанту.

Тот с поклоном убежал. А я насторожилась.

Семью герцога в полном составе я видела лишь однажды – в тот день, когда меня привезли в замок. Тогда мой мучитель устроил пышное торжество в честь нашей свадьбы и никому даже словом не обмолвился, что случилось на острове. Никто из живущих в замке не знал, что я отдалась Авенару. Но это не помешало им невзлюбить меня с первого взгляда.

Помню, в зал стеклась вся герцогская свита, посмотреть на меня как на диковинку. Разглядывали с упреками, усмешками, осуждением и ложной заботой. Перешептыва-

лись, смакуя подробности моего появления. Для них я была чужачкой, прибывшей с севера. Нищей девкой, продавшейся за сундук золота.

Они сидели за столом, гордые и надменные. А я стояла перед ними, как товар, выставленный на продажу, разглядывала их и делала выводы. Тем более что стоявшая за плечом служанка тихонько шептала мне на ухо, кто есть кто.

Моя свекровь, вдовья герцогиня Каталина. Плоскогрудая, с изрезанным морщинами увядшим лицом. Затянутая во все черное, всегда хмурая и злая на всех, особенно на молодых. Красота девушек в замке вызывала в ней приступы ярости – однажды она прижгла щипцами щеку юной служанке только за то, что та невольно напомнила ей о собственных утратах.

Сестры герцога, Лиара и Малена, пришли в тот день как на бал. Они заранее ненавидели меня – беспричинно, с холодной, отточенной злостью. Особенно Малена. У нее был сын. Если герцог не оставит законного наследника, титул может перейти ее мальчику. Ее глаза холодели, когда она смотрела на мой живот.

Они не вызвали во мне ни страха, ни интереса. А вот другие женщины в зале... Здесь было много молодых симпатичных служанок. Я исподтишка следила за ними, пытаюсь угадать: кто из них – та самая? Дочь Химены. Тайная любовница. Женщина, родившая бастарда Минраха. Та, чье имя вырвалось из уст умирающей старухи в ту роковую ночь.

Тогда все смешалось: вода, кровь, ветер и страх. Я почти

не помню, как все случилось. Помню лишь заполнивший меня ужас – и лицо Авенара.

Стоп. Думать о нем здесь – все равно, что молить смерть прийти. Гидеон чувствует, когда я вспоминаю о любимом. Словно демон, он чует мою боль. И карает за нее.

Я сомкнула веки, чтобы скрыть всколыхнувшиеся чувства. Но почти сразу ощутила, как муж навис надо мной. Его темную, давящую ауру ни с чем невозможно спутать.

В горле тут же образовался комок. Что ему нужно? Почему он так пристально смотрит на меня? О чем думает?

Я не двигалась. Почти не дышала. Только слушала, как молчит рядом хищник, привыкший нападать внезапно.

Мой мучитель любит сопротивление. Ломая меня, он чувствует свою власть. Поэтому я научилась быть камнем. Без слов, без криков. С того дня, как погиб Авенар, я ни разу не заплакала, не попросила пощады – и, возможно, именно это злило его больше всего.

Каждый раз, когда герцог использовал мое тело, я мысленно уносилась к Авенару. Ненавистный муж называл меня драконьей подстилкой и вбивался с особой жестокостью, будто хотел растерзать. А я цеплялась за призрачную память о счастье с любимым, как за спасательный круг.

Он это понимал. Чувствовал. И наутро уходил, не оборачиваясь, чтобы ночью снова вернуться.

Я много раз думала, что умру. Но нет, выжила. Может быть именно для того, чтобы узнать, что беременна.

Глава 2

С минуту Гидеон смотрел на меня. Ресницы дрогнули, и я приоткрыла глаза, но по-прежнему не поворачивала головы, заставляя себя безразлично смотреть в потолок. Если герцог заметит малейший проблеск эмоций – просто так не уйдет. Слишком уж ему нравится упиваться моими страданиями.

– Посмотри на меня, Хлоя, – приказал муж.

Я внутренне вздрогнула от его низкого голоса. Однако ничем не выдала смятения. Медленно оторвала взгляд от темного свода и перевела на лицо мужа. Черные глаза Гидеона, полные мрака, сверлили меня, отыскивая нечто, известное лишь ему одному.

Прочитать его мысли у меня не получалось. Однако сам он будто видел меня насквозь.

– Ты должна родить мне наследника, Хлоя. Сына. Моего сына, – сделал он ударение, – если хочешь жить.

Я молчала, глядя на него. Изо всех сил пыталась не выдать свои тайные мысли. Нет, не сейчас. Позже, когда останусь одна. Тогда смогу выдохнуть и больше не прятать коварной улыбки.

– Миранда, – велел герцог служанке, – одень госпожу, как подобает ее статусу, и приготовь ей покои в моем крыле. Хочу видеть супругу рядом с собой.

– Да, ваша светлость.

– Хлоя, а ты веди себя смиренно, если не хочешь гнить здесь до родов, и выходи к столу. Будем праздновать! – бросил он мне.

Дождался от меня выученного: «Да, господин», – и ушел.

Когда за ним закрылась дверь, я позволила себе тихонько выдохнуть. Наконец-то осталась одна! Горничная, выскокившая из угла, где сидела невидимой и неслышимой мышью, не в счет. Ей дела нет до моих переживаний. Главное – одеть меня так, чтобы ни герцог, ни вдовая герцогиня-мать не придрались. Самой мне было глубоко безразлично, как я выгляжу. Зато теперь я знала ее имя, хотя это знание вряд ли могло помочь. Ведь я не помнила, как зовут дочь Химены!

Миранда сняла плотную длинную сорочку, в которой я сидела с утра, и отошла, чтобы взять другую. Я, положив ладони на живот, мысленно обратилась к своему малышу. Сейчас даже мне не позволено было знать, сын там или дочь. Плод утраченной любви или боли и ненависти. Но я знала одно: это мой ребенок. Пока что этого было достаточно.

«Здравствуй, мой малыш, мой будущий мститель».

Гидеон больше не боится, что я наложу на себя руки и отправлюсь вслед за любимым. Ни одна целительница этого не сделает, пока носит дитя. Магия ей не даст. Поэтому он решил выпустить меня из заточения.

Что ж, он не знает, что открыл сундук с бедами...

Когда Миранда вернулась, я стояла на прежнем месте, опустив руки. Безропотно позволила омыть себя водой, а затем одеть. На этот раз мне выделили богатое платье, расширенное золотыми и серебряными нитями по подолу. Я заметила это, только когда служанка усадила меня на табурет, чтобы расчесать волосы. Однако новая одежда не вызвала у меня никаких эмоций. Мне было все равно.

Я терпеливо сидела, пока горничная расчесывала и разбирала пряди, плела косы и укладывала их в сложную прическу, фиксируя заколками с кровавыми камнями.

Рубины – камни герцогства Минрах. Здесь их добывают в горах, которые облюбовали драконы. За кровавые камни люди платят собственной кровью. И не только люди.

Авенар мне этого не рассказывал, но Миранда как-то поделилась, что из-за проклятых гор война в Минрахе никак не закончится. Там «гнезда» драконов, там, на драгоценных жилах – места их силы. Только там они могут растить потомство.

А ведь есть еще другие герцогства и другие жилы – золотосные, серебряные, залежи алмазов и иных драгоценных камней. Они тоже нужны драконам для выживания.

Странное дело... раньше я их ненавидела, а теперь защищаю? Пусть только мысленно, но все же...

Я смотрела, как холодное ожерелье опускается мне на

грудь. Крупные рубины напоминали куски вырванной, окровавленной плоти. Тяжелые серьги неприятно оттягивали мочки ушей. А широкие браслеты на моих исхудавших запястьях выглядели кандалами.

Когда Миранда закончила, то предложила мне маленькое зеркало на длинной ручке, чтобы я могла осмотреть себя и оценить ее старания. Или, скорее, кровавое сияние рубинов.

Это было что-то новое. Прежде горничная не интересовалась моим мнением. Ее волновали лишь приказы герцога. Что изменилось? Мое положение? Я теперь не заключенная, а герцогиня? То есть та же пленница, но в золоченой клетке?

Впору было усмехнуться, но я удержала спокойное выражение на лице. Это была моя защита, маска, позволявшая сохранить себя, не сломаться и выстоять. Я должна выстоять. Ради себя и ребенка. Ради Авенара и его памяти.

Выстоять и отомстить!

Кивнула Миранде, что меня все устраивает. В зеркало смотреться не стала. Для меня не было никакой разницы, как я выгляжу.

Так же спокойно поднялась, чтобы служанка закончила последние приготовления и расправила складки на платье. Она уделяла моему внешнему виду несоизмеримо больше внимания, чем я. Ведь она отвечала перед герцогом, которого боялась до дрожи, как и почти все в замке.

Зато открывшаяся дверь моей темницы вызвала во мне трепет, похожий на радость. Я слишком долго была в этих

стенах. Успела соскучиться по свежему воздуху и солнечному свету.

Да, в моей камере было окно, но разве это может сравниться с возможностью выйти наружу? Пусть и всего лишь пройтись по коридорам замка.

За моей дверью стояли ландскнехты. Проходя мимо них, я невольно напряглась. Хотя и понимала, что меня не оставят, раз герцог отдал приказ пропустить.

Служанка шла впереди, указывая путь и высоко держа свечу, чтобы я не споткнулась. В отличие от моей комнаты, в коридоре не было окон. Каждую сотню шагов стоял часовой, над ним в держателе горел факел. Первая лестница тоже была темной, зато после второй все преобразилось. Появились окна, освещающие коридор, выложенный крупными плоскими камнями, и большие просторные помещения.

Кухню я узнала по запаху жареного мяса. Рот тут же наполнился слюной, напоминая, что пресная каша, составлявшая мой ежедневный завтрак, так и осталась несъеденной.

Кладовые, прачечная, ткацкая – все это отделялось от коридора большими арочными проемами, поэтому, проходя мимо, можно было разглядеть, чем занимаются люди.

И я смотрела. Исподволь, краем зрения, но не могла удержаться. Слишком изголодалась в заточении по иным картинкам.

Здесь вовсю сновали слуги. Деловито и сосредоточенно, как муравьи. Кто с корзиной в руках, кто с копченым окоро-

ком. Поглядывали на меня, перешептывались, неохотно кланялись, но уступали дорогу.

Скорее не мне, а рубинам.

На следующем уровне пол коридора был выстлан досками, ровными, плотно пригнанными и свежими. От них еще пахло хвоей. Я с наслаждением вдохнула этот запах, ведь он напоминал о воле.

Стены здесь украшали большие, плотные гобелены, занимающие все простенки от потолка до пола.

Из окон открывался вид на залив. Море сегодня было беспокойным. На бирюзовой поверхности белели собираемые ветром «барашки» волн. Это так ясно заставило меня вспомнить один из дней, проведенных на острове с Авенаром, что я судорожно втянула воздух. И крепко сжала зубы, давя рвущееся наружу рыдание.

Нет, пожалуйста, не надо. Я должна быть сильной ради ребенка, ради будущего, ради мести. Оплакивать моего дракона я буду позже, когда наконец отомщу за него.

Вскоре наш путь закончился. Горничная остановилась у массивных двустворчатых дверей. Они были распахнуты настежь. По обе стороны створок так же стояли вооруженные стражники.

Миранда присела в книксене и сообщила:

– Я буду ждать здесь, если понадобится, госпожа.

Я не ответила. Да и вообще тут же забыла о ее существовании. Мне предстояло настоящее испытание – праздничный

обед с ненавистными родственниками. Обед в честь моего ребенка.

Я глубоко вдохнула и с прямой, как палка, спиной вошла в обеденный зал.

Здесь было слишком светло и слишком нарочито. Своды зала терялись в вычурной лепнине под потолком, откуда вниз свисали три массивные люстры из черненого серебра и янтаря. А сквозь высокие витражные окна лился золотистый дневной свет.

Стены трапезной украшали потускневшие гобелены с гербом рода Минрахов – серебряный вепрь на черном фоне, зубы обнажены, в кроваво-красных глазах мерцают рубины. От вида этого символа внутри меня поднялась тошнота. Слишком о многом напоминал алый взгляд. Но если глаза Авенара смотрели с любовью, то взгляд вепря был мертвым. Просто камни, в которых нет души.

Длинный стол, покрытый белоснежной скатертью, ломился от блюд. Запеченный фазан в медовой корочке, томленные грибы, говядина с пряным соусом, вазы с фруктами, хлеб, будто вырезанный из золота. Но все казалось ненастоящим, словно еду просто выставили напоказ.

Слуги, стоявшие у стен, глядели в пол и вздрагивали от каждого шороха. Сестры Гидеона и его мать уже сидели за

столом с постными лицами.

И все – смотрели на меня.

Они ждали, когда я подойду ближе. Когда сяду на отведенное мне место – с другой стороны стола, прямо напротив вдовствующей герцогини Каталины. Та по своему обыкновению была вся в черном. Глухое платье с высоким воротником, длинные узкие рукава, черная кружевная мантилья. Глядя на эту женщину, я не могла представить, что она умеет улыбаться. Потому что сейчас ее презрительно поджатые губы казались лезвиями бритвы.

Приблизившись к столу, я склонила голову в учтивом поклоне.

– Благодарю за честь, – прошептала чуть слышно.

Мой голос не дрожал. Это порадовало. Меньше всего хотелось показать свою слабость.

Каталина медленно подняла бокал и смерила меня надменным взглядом.

– Поздравляем, – процедила она, но в ее голосе не было ни грана радости. – Великая удача... Наш дом посетил свет жизни. Да благословит Всемогущий дитя моего сына.

Эти слова она выплюнула как проклятье или ругательство. Мне пришлось вновь поклониться, чтобы спрятать эмоции:

– Благодарю, миледи.

Лиара, младшая из сестер герцога, фыркнула. Она сегодня нарядилась в малиновое, слишком яркое, как по мне, слиш-

ком открытое платье. Лицо – припудрено до мрамора, губы – как кровь.

– Надеюсь, дитя унаследует не северную внешность, – мурлыкнула она, жеманно растягивая гласные. – Слишком бледно будет смотреться на портретах.

Да, в отличие от меня жители здешних земель были смуглыми, темноглазыми и темноволосыми. Женщины обладали пышными формами, а мужчины – могучим телосложением. Тем тоньше и невзрачнее смотрелась я на их фоне. Даже рубины и расшитое золотом платье не сделали меня ярче.

Малена, напротив, молчала. Она сидела прямо, руки убраны под стол, а взгляд – на моем животе. Немигающий. Жесткий. Она явно о чем-то думала, но ее лицо не выдавало мыслей.

Еще в прошлый раз я отметила, что эта змея опаснее, чем все остальные. Выглядела она безупречно: идеальные черты, горделивая выправка. Сегодня дорогой шелк оттенял ее каштановые волосы и золотистую кожу.

Старшая сестра герцога была по-настоящему красива. И опасна.

– Удивительно, как быстро все произошло, – сказала она наконец ровным тоном. – Казалось бы, совсем недавно вы прибыли... А уже ждете наследника.

– Чудо, – легкомысленно пропела Лиара.

– Или... удачный расчет.

Я не ответила. Просто взяла бокал воды – только воды,

вино меня теперь отталкивало – и сделала маленький глоток. Тишина сгущалась, как тучи над морем.

Все в замке знали, что мы с герцогом скоропалительно обвенчались на корабле, а после прибытия он запер меня и не выпускал. Но почему и за что? Гидеон не счел нужным объяснять это вассалам. А тем, кто мог что-то знать, заткнул рот темной магией.

Думаю, его мать и сестры строили разные предположения. Судя по их взглядам, устремленным на меня, они уже сломали головы в попытке добиться правды. Но герцог молчал. И я тоже не собиралась ничего говорить.

Глава 3

Ни моего мужа, ни мужа Малены – одного из генералов Минраха – здесь не было. Будто обед был предназначен только для женщин.

Но я обрадовалась этой легкой передышке, потому что в присутствии Гидеона не смогла бы проглотить ни кусочка.

Слуги принесли первое блюдо. Серебряные крышки звякнули, и пар от супов растекся по залу. Один из лакеев задрожал так сильно, что едва не опрокинул поднос.

– Руками не тряси, тряпка, – прошипела Каталина, не поворачиваясь. – Или в подвал пойдешь. К крысам.

Парнишка побледнел и, торопливо отступая, чуть не запутался в собственных ногах. Я заметила его взгляд, брошенный на меня. В его глазах был страх. И... жалость. Хотя, похоже, его стоило бы пожалеть.

– Хотелось бы верить, что вам удастся сохранить беременность, – произнесла вдруг Малена. – Здесь... многое может случиться.

Слова прозвучали как искренняя забота, однако взгляд графини Рингроу говорил об обратном. Я была для нее угрозой. Точнее, не я, а сын Гидеона. Его наследник.

Не удивлюсь, если в том, что случилось с прежними женами, была и ее вина. Но себя запугать не позволю.

Я выпрямилась и взглянула ей в лицо. Спокойно, без суеты и волнения.

– Если что-то случится, миледи, вы будете знать первой.

Она не моргнула. Только улыбнулась тонко, ядовито.

– Я всего лишь беспокоюсь о будущем племяннике. Мой брат – темный маг. Нужно быть очень сильной, чтобы выносить его дитя. Пока что это не удалось ни одной из его избранниц.

Я почувствовала, как напряглась служанка, которая в этот момент наполняла мою тарелку. Ее рука дрогнула, а воздух в зале будто стал холоднее.

Однако я продолжала смотреть Малене в лицо. И тоже улыбнулась в ответ. Медленно. Ровно. Как улыбается женщина, которая решила идти до конца. Ради себя. Ради ребенка. Ради того, чтобы месть свершилась.

В моей душе не было зла. Я не испытывала ненависти к Малене или другим обитателям замка. Они вообще не имели значения.

Кроме того, кому я поклялась отомстить.

Но если кто-то посмеет встать у меня на пути – я уничтожу его. И неважно, кто это будет: женщина, ребенок или старик. Убив Авенара, герцог убил во мне всю человечность...

Обед оказался нелегким испытанием для моей выдерж-

ки. Пришлось ждать, когда поднимется вдова-герцогиня, а та будто нарочно тянула время и беседовала с дочерьми.

Я не слышала, о чем они говорят, но понимала, что речь идет обо мне. Лиара тонко хихикала, бросая в мою сторону короткие взгляды. Малена вообще отвернулась, будто я была частью мебели. Но я именно так себя здесь и чувствовала – частью интерьера, безмолвной деталью этого каменного, холодного замка. И все же сумела сохранить хладнокровие. Даже получила некоторое удовольствие от изысканных блюд.

Наконец Каталина в последний раз что-то шепнула дочерям и поднялась.

Лиара и Малена бросили на стол салфетки и встали вслед за матерью. Это был сигнал, что мне тоже пора.

Когда я вышла из-за стола, ноги дрожали. Но не от страха и не от слабости. От гнева, который приходилось глотать, будто горькое лекарство, не морщась.

Слуги спешно убирали со стола, делая все бесшумно, словно любая ложка, зазвеневшая не вовремя, могла стоить им руки.

– Госпожа, позвольте вас проводить, – раздался негромкий голос у меня за плечом.

Я обернулась. Это была та самая девушка, которая прислуживала мне за столом.

– А где Миранда? – спросила я, ища взглядом свою служанку.

– Она занята подготовкой для вас новых комнат.

– Новых комнат? – хмыкнула я.

А потом вспомнила: мое заточение закончено! Гидеон поделил мне новую камеру. Ох, точнее, покои рядом с собой.

Пряча вспыхнувшую радость, кивнула:

– Идем.

Кажется, начиналась новая глава моей жизни. И в ней снова был смысл.

Я шла за служанкой и незаметно ее разглядывала. Худенькая, приглаженная, с уравновешенным выражением лица, которое казалось заученной маской. От Миранды, вечно косившейся на меня с подозрением, эта отличалась всем – от походки до тембра голоса. А путь, которым она вела, был мне незнаком.

Мы перешли по галерее в другое крыло, и там, как я быстро поняла, не оказалось ничего общего с хмурыми коридорами и загруженными хозяйственными уровнями. Здесь все было... другим.

Высокие окна, залитые солнцем, гобелены с идиллическими пейзажами и белоснежные мраморные вазы в нишах. Каждая деталь дышала изяществом и вкусом, так непохожими на грубую силу Минраха. Это было убежище, созданное для кого-то другого, в мире, далеком от моей суровой реальности.

Все здесь оформлял человек с тонким вкусом. С воображением. Я бы поставила на женщину – и точно не на вдовствующую герцогиню, которая, как я успела убедиться, предпочитала черные платья и раскаленные щипцы.

В этом крыле даже воздух был легче, будто очищенный от страха и угара власти. Я то и дело замедляла шаг, касаясь холодной, гладкой поверхности скульптур, вглядываясь в gobelены, прислушиваясь к тишине, которая здесь казалась... доброй.

Служанка не торопила. Всякий раз, когда я останавливалась, она замирала, не подгоняя, не выказывая раздражения. Просто ждала, пока я соизволю двинуться дальше.

Вот тогда я окончательно убедилась: мой статус действительно изменился.

Я больше не пленница. Не купленная жена, роль которой сводится лишь к одному – подарить Минрагу наследника. Я – хозяйка. На тот краткий миг, пока Гидеон не поймет, что его обманули.

Но даже этого краткого мига мне будет достаточно. Я притворюсь смиренной, научусь смотреть на него с обожанием. И все ради того, чтобы закрепиться в своем новом статусе. Получить свободу ходить, где хочу, и доступ – к людям, к дверям, к замочным скважинам.

И, если повезет, к правде.

Мои пальцы сжались в кулаки. Уголки губ дрогнули, сложившись в улыбку – не радостную, нет, хищную. Гидеон

Минрах еще не знает, на что способна женщина, чье сердце втоптали в грязь. Я и сама раньше не знала.

Служанка обернулась, будто что-то почувствовав. Я же поспешно отвела взгляд к ближайшей нише, делая вид, что рассматриваю вазу. И заметила боковой коридор.

Его арочный вход заполняла густая тень, а фрески, которыми он был украшен, немного потрескались и поблекли.

Заинтригованная, я заглянула в проход.

Там царил густая тьма.

Мой взгляд не нашел ни окон, ни факелов. Ни малейшего намека на свет. Зато воздух здесь оказался влажным и затхлым, как в подземелье.

Легкий сквозняк коснулся моей шеи и понесся дальше, оставив на коже ледяной след.

– Что там? – спросила я, не сводя глаз с темноты.

Голос глухо ударился в своды и вернулся двойным эхом.

Служанка вздрогнула. Я почувствовала: ей тоже не по себе.

– Госпожа, – начала она, когда я шагнула вперед, – стойте! Туда нельзя!

Я замерла на границе света. Присмотрелась – и поняла: этот мрак дышит. Он жив. Он не хочет гостей.

Служанка так близко подойти не рискнула. Она стояла в пяти шагах от меня, прижав руки к груди. А на ее лице читалось волнение, если не страх.

– Что там такое? – повторила я, придавая голосу требова-

тельные нотки. – Ты знаешь?

– Да, госпожа. Покои первой супруги господина. Леди Элени, – прошептала она так, словно боялась, что кто-то услышит.

– Почему они закрыты? Разве новая жена не занимает старые покои? – удивилась я.

Там, где я выросла, это считалось традицией. Моя мать заняла комнаты старой графини Бурджес. А после ее смерти в них поселилась Эмма. Таков был естественный порядок вещей.

– Так пожелал господин, – вновь короткий, отрепетированный ответ.

– Почему?

Она колебалась. Затем, оглянувшись по сторонам и убедившись, что рядом никого, все же шепнула:

– Говорят, он любил ее. По-настоящему! И... сам же убил. Мороз пробежал по коже. Я с трудом сглотнула.

– Я думала, она умерла при родах. Из-за ребенка с темной магией. Разве не так?

– Нет, она умерла... раньше, бедняжка, – служанка замотала головой, понизив голос почти до шороха. – Тогда господин еще не знал, что в нем спит темная сила. Он так радовался их свадьбе, а потом...

Она умолкла. Потупилась. По ее лицу мелькнула тень сожаления. Или страха.

Я решила сменить тему – слишком быстро служанка за-

крылась в себе. Будто ей самой есть что скрывать.

– Скажи, как тебя зовут? – спросила как можно ласковее.

Она настороженно взглянула на меня, но ответила:

– Марцелла.

Снова имя на «М». Может, это она – дочь Химены? Я при-
смотрелась к ней внимательнее.

Лет тридцать. Довольно красивая, если бы не землистая
кожа и обескровленные губы. Черты – мягкие, благородные.
Глаза – большие, темные, но пустые. В них ни планов, ни
надежды, одна слепая покорность и страх.

Эта ни за что не предаст своего господина, даже под пыт-
ками. Потому что знает – он расправится раньше.

Может ли у нее быть сын от Гидеона? Ах, если бы я хотя
бы примерно знала, сколько лет этому сыну! Он ведь может
оказаться младенцем, а может – взрослым мужчиной!

– Хорошо, Марцелла, это она оформила крыло? – я ука-
зала на светлый коридор.

– Да. Леди Эления. У нее был... особенный вкус. Тонкий.

Я кивнула:

– Действительно, прекрасный вкус. Как давно эти покои
заброшены?

– Двадцать лет.

– И что же, за эти годы туда никто не входил?

Глаза служанки потухли, лицо замкнулось. Я поняла: эта
тема в замке – одна из запретных. Однако она дала мне пищу
для размышлений.

С момента смерти первой жены герцога прошло двадцать лет. Неужели он ее настолько сильно любил, что до сих пор не может смириться?

Нет, ерунда. Гидеон Минрах – и любовь? Чушь! У этого человека нет сердца. Вместо него холодный, наполненный кровью камень. Проклятый рубин.

Мне пришлось до боли закусить губу, чтобы сдержать рвущийся гнев.

Дыши, Хлоя, дыши. Ты должна быть спокойной, излучать покорность и доброту. Чтобы никто не догадался, какие черные мысли таятся в твоей светлой душе. Чтобы никто и помыслить не мог, что ты тоже можешь ужалить!

– А другие жены? У каждой были свои покои?

– Нет, госпожа. Для них выделили часть западного крыла. Оно примыкает к апартаментам его светлости, именно туда мы сейчас и идем.

– Хорошо.

Я последовала за ней. Мы шли в тишине, шаги глухо отдавались по каменному полу. Мне показалось, что Марцелла ускорила шаг, когда за поворотом показались тени других слуг. Но вдруг она остановилась, будто что-то вспомнив.

Я тоже застыла, невольно бросая взгляд по сторонам. Мы были в узком переходе между галереями. Здесь не горели факелы, и было чуть темнее, чем должно быть. Мне это не нравилось.

– Госпожа Хлоя, – Марцелла смотрела в пол, ее голос был

тише обычного. – Я не смею вмешиваться, но... Позвольте вас предупредить...

Глава 4

Я напряглась.

– О чем?

Она чуть приблизилась.

– Вы не в безопасности. Здесь, в этом замке. Ни днем, ни ночью. Ни при муже, ни без него. И ваш ребенок – не просто будущий наследник. Он – помеха.

– Не сомневаюсь, – прошептала я, испытывая жгучее желание отступить, но осталась на месте. – А ты знаешь, кому он мешает?

Она медленно кивнула.

– Я не могу назвать имен. Но присмотритесь к тем, кто кажется безобидным. И особенно к тем, кто слишком рьяно беспокоится о вашем здоровье.

Я почувствовала, как по коже прошел холодок. Мелькнула мысль, что Марцелла нарочно отводит от себя подозрения. Но ни подтвердить, ни опровергнуть это я не могла.

– Если не можешь сказать, кто мне угрожает, зачем вообще завела этот разговор?

– Потому что у каждой женщины есть что-то, ради чего она готова убивать. Или... спасти.

Ее голос стал почти шепотом. В нем дрожала не жалость, а страх. Этот же страх печатью лежал на ее лице.

Я хотела спросить еще, но нас прервал шум голосов. Марцелла отступила в тень и быстро закончила:

– Вот ваши покои, госпожа. Если кто спросит, я просто проводила вас. И ни о чем с вами не говорила.

– Госпожа, – за моей спиной раздался ровный голос Миранды.

Я на секунду прикрыла глаза, вдохнула, чтобы успокоить учащенное сердцебиение, и только потом обернулась. Медленно и степенно, как полагается герцогине.

В паре шагов от меня ждали приветственно распахнутые двустворчатые двери. Рядом с ними стояла моя горничная. Чересчур прямая, словно легавая, застывшая в охотничьей стойке, она напряженно смотрела в ту сторону, где исчезла Марцелла.

– Что такое? – спросила я как можно безразличнее.

Миранда моргнула и растянула губы в лицемерной улыбке:

– Нет, ничего. Показалось.

Я молча прошла мимо нее.

Новые покои встретили меня тишиной.

Такой, в которой каждое движение, каждый вдох звучали слишком громко. Словно я вошла не в комнату, а в чужую, застывшую память.

Здесь все было... неправильно. Слишком роскошно для узницы, которой я по-прежнему себя ощущала. Слишком чуждо, чтобы называть это своим. Гидеон сказал, что отныне

я буду жить здесь. Как его законная супруга и мать будущего наследника. Ведь ни у кого не должно возникнуть даже подозрения, что между нами что-то не так. Особенно у его близких. Среди них, как я уже поняла, слишком много желающих присвоить герцогский титул.

Однако я не первая в этих комнатах. И именно это меня беспокоило больше всего. Пять молодых и здоровых женщин. Пять несостоявшихся матерей. Пять невинных жизней, затерявшихся тенями среди этих стен...

И теперь – я.

Комната была огромной. Свет скользил по мраморному полу, отражаясь в старинном зеркале, которое едва удерживалось в позолоченной раме. Пастельные панели стен были украшены росписью – цветы, птицы, полураспустившиеся бутоны...

Все казалось прекрасным, пока не приглядишься. Один цветок – будто капелька крови. Одна птица – с закрытыми глазами. Один бутон – с потемневшими лепестками.

Я невольно обняла живот.

Слишком тихо. Слишком пусто. Слишком много мертвых женщин до меня.

Высокие сводчатые окна выходили в сад. Близилось лето, и ровные ряды колючих кустов набухли неестественно крупными кроваво-красными розами.

– Никогда не видела таких больших бутонов, – прошептала я, забыв, что не одна.

– Эти розы вырастила супруга нашего господина. Она владела магией земли.

– Земли? – удивленно откликнулась я. – Разве прежние герцогини не были целительницами?

– Были, – подтвердила Миранда. – Все, кроме одной.

– Кроме первой, да?

– Да, госпожа. Не советую вам приближаться к ним или пытаться сорвать. За это можно лишиться пальцев.

Я изумленно обернулась к Миранде:

– Ты мне угрожаешь?

– Что вы, госпожа, – она опустила голову, – разве я смею?

Я лишь хочу вас предупредить. Его светлость очень ревностно относится ко всему, что осталось от первой супруги. Как бы вам ни хотелось завоевать его сердце, не покушайтесь на эту память.

Мне пришлось плотно сжать губы, чтобы не рассмеяться. Завоевать сердце Гидеона Минраха? Так вот о чем она думает! Что я хочу добиться его любви. Несчастливая! Что бы она сказала, узнай, что я хочу вырвать сердце Гидеона Минраха? Вырвать и растоптать, как он растоптал мое!

Понадобились все усилия воли, чтобы сохранить на лице удивленно-прохладное выражение и ничем не выдать истинных чувств.

– Сколько лет этим розам?

– Чуть больше двадцати. Леди Эления посадила их здесь задолго до свадьбы.

– А сколько длился первый брак моего супруга?

– Один день, госпожа.

Один день...

Помнится, герцог недавно отметил сорокалетие, хотя из-за густой черной бороды он выглядит старше. По всему выходит, ему было около двадцати, когда он впервые женился и потерял супругу. Ту самую, которую якобы "по-настоящему любил".

Но в двадцать лет маг уже знает, какой силой владеет и умеет ее контролировать. А если верить рассказу Марцеллы, то герцог не знал. Значит, сила проснулась в нем в день свадьбы, вернее, в первую брачную ночь. И он не смог ее удержать...

Что ж, в этом замке все живет дольше его несчастных хозяек. Особенно тайны.

Я отвернулась от окна.

Миранда терпеливо ждала чуть поодаль. Безупречно ровная, словно статуя. Ни намек на сочувствие, ни взгляда теплее обычного. Ее присутствие давило не меньше, чем эти стены.

Интересно, как она относилась к предыдущим женам?

Я прошла в следующую комнату.

Это была спальня. Шелковые портьеры едва шевелились от сквозняка. Здесь Миранда, не спросив разрешения, начала снимать с меня украшения и освобождать прическу от тяжелых камней.

– Его светлость велел обеспечить вам полный покой, – произнесла она, глядя куда угодно, только не мне в лицо. – Вам теперь следует хорошо питаться и больше отдыхать. Ваша беременность – это надежда для всего герцогства.

Беременность.

Это слово все еще звучало нереально. Как приговор. Или как ключ к спасению.

Я посмотрела на кровать – широкую, с тяжелым бархатным балдахинном и резными столбиками, на которых он покоился.

– Сколько жен умерло в этой постели? – спросила тихо, не глядя на Миранду.

Та словно оцепенела. Всего на долю секунды. Однако тут же, как ни в чем не бывало, ответила:

– Все пять, госпожа. Кроме первой супруги нашего господина. У нее были собственные покои.

– И все... умерли беременными?

– Да, госпожа. Кроме леди Элени.

Она не поинтересовалась, зачем я это спрашиваю. Ее голос был безразличным.

Сняв с меня рубины, Миранда уложила их в шкатулку из черного дерева. Ту самую, из которой доставала этим утром. Всего лишь утром – даже не верится.

Я молча позволила ей снять с меня громоздкое платье. Взамен надела легкое, из воздушной нежно-сиреневой кисеи.

– Вам что-нибудь нужно? – спросила Миранда, закончив заплетать мои волосы.

– Только одиночество, – ответила я. – Пока что.

Она кивнула и вышла, тихо как тень.

Когда дверь закрылась, я подошла к высоким арочным окнам, распахнутым по случаю хорошей погоды. С небольшого зарешеченного балкончика, увитого сочными плетями вьюнка с сиренево-голубыми цветами, доносился приятный аромат. Рядом стояло массивное, с виду удобное кресло, в которое я тут же села.

Оно скрипнуло, принимая вес моего тела и позволяя расслабиться. Я откинулась на спинку, осознавая, что не ошиблась. Кресло было удобным. Глядя на желтокрылую бабочку с длинными усиками, ползущую по зеленому стеблю, я продолжила размышлять.

Слишком многое нужно успеть к тому времени, как беременность сделает меня тяжелой, неповоротливой и уязвимой. Уверена, этим не преминут воспользоваться те, кто помог предыдущим герцогиням покинуть этот мир.

Я положила руку на живот. Там внутри билась крошечная жизнь.

Кто именно ее зачал, я не знала. Но поклялась себе всем, что у меня осталось, что сохраню эту жизнь. Пусть это будет мое проклятие. Или моя победа.

Глава 5

Слова Марцеллы не давали покоя. Я начала перебирать в памяти всех, кому выгодна моя смерть. Первой в списке была Каталина. Способна ли она отправить на тот свет очередную невестку, ради возможности и дальше быть хозяйкой в замке?

Я не сомневалась, что да. Потому что знала истории, где убивали и за меньшее. А мать Гидеона производила впечатление умной и расчетливой женщины, к тому же умеющей хитрить, манипулировать, интриговать.

Она могла даже не иметь прямого отношения к убийствам. Зачем подсыпать яд своими руками? Всегда найдутся доверенные люди, которым можно поручить грязную работу.

К тому же наследник герцогства у нее будет. Им станет ребенок Малены. Родная кровь.

Герцогиня-мать подходила на роль заговорщицы. Но куда больше подозрений у меня вызывала сама Малена. Желание сделать сына наследником герцогства – отличный повод для убийства соперниц.

Возможно, это была не сама Малена, а ее муж, генерал Рингроу. Его я еще не видела, поэтому не могла ни добавить к списку подозреваемых, ни вычеркнуть.

Или же супруги действовали вместе. Ведь недаром счита-

ется, что после венчального обряда у мужа и жены – одна душа, разделенная на два тела.

Лиару я сразу откинула. Она сосватана в соседнее герцогство и осенью уедет. Ей незачем меня убивать.

А вот таинственная дочь Химены не давала покоя. Не зря же обезумевшая перед смертью женщина кричала, что ее внук достоин герцогской короны.

Как назло, обе служанки – и Миранда, и Марцелла – могли быть матерью незаконного ребенка и желать мне смерти. Ведь их имена начинались на «М».

Нет, одними размышлениями ничего не добьешься. Надо вставать.

Выбираться из удобного кресла не хотелось. Однако я заставила себя это сделать. Поднялась и дернула за шелковый шнур у кровати.

Звона я не услышала. Даже засомневалась, сонетка ли это. Однако спустя минуту створка двери открылась, и внутрь заглянула Миранда.

– Вы звали меня, госпожа? – произнесла она привычным бесцветным голосом, глядя мимо меня.

Ни на ее лице, ни в прическе не было и следа волнения или спешки.

– Да, – улыбнулась я, предвкушая предстоящую сцену. – Передай всей замковой прислуге, что я велю через полчаса собраться в хозяйственном крыле. Пора им познакомиться с новой герцогиней Минрах.

Миранда чуть заметно моргнула – не от удивления, конечно, нет. Просто глаз зачесался.

– Как прикажете, госпожа.

Никакой смены выражения, ни тени эмоций. Будто я распорядилась пересчитать подушки в кладовой.

Она исчезла так же бесшумно, как и появилась, а я, оставшись одна, выпрямилась и глубоко вдохнула. Положила руку на живот и погладила. Он был еще незаметен, но это не мешало мне помнить, ради кого я обязана выжить.

Через полчаса я вошла в зал хозяйственного крыла. Это было большое, невысокое помещение с массивными деревянными балками под потолком и застиранными коврами. От беленых окон, выходивших на взморье, пахло мылом и мокрой шерстью. Вдоль стен стояла прислуга – одни с прямыми спинами и напряженными лицами, другие – расслабленно, с неприкрытой насмешкой.

Стоило лишь войти – и я ощутила на себе десятки взглядов. Брезгливых. Злорадных. Безразличных.

Но чего среди них не было, так это страха и уважения. Слуги не боялись меня. Потому что верили: как и предыдущие, я долго не проживу.

В углу кто-то тихо усмехнулся. Я не разглядела, кто – тень

и запах плесени от стоявших в углу мешков мешали разглядеть лицо. Но усмешка была. И она хлестнула по моему самолюбию сильнее, чем могли бы любые слова.

Я остановилась у очага.

– Хорошо, что вы пришли, – произнесла, оглядывая присутствующих. – Как вам известно, я – законная супруга вашего господина. А значит, хозяйка этого замка.

Никто не поклонился.

Одна из служанок – невысокая, круглолицая, с платком, завязанным на макушке – фыркнула, не стесняясь.

– Много вас было, и все законные, – пробормотала она, вызвав несколько смешков.

Я сделала шаг к ней и улыбнулась. Улыбка вышла почти ласковой.

– Похоже, нужно кое-что прояснить, – начала доверительным тоном. – Оскорбление супруги господина – это оскорбление самого господина. Так что с этой минуты любой, кого заметят в неуважении ко мне, будет отправлен на корм драконам. И не надейтесь, что я помру раньше, чем ваши кости побелеют на выжженных пустошах.

В ответ зал наполнился тишиной. Густой и настороженной. Даже треск дров в очаге за моей спиной прозвучал очень громко.

Драконов здесь боялись не меньше, а может, и больше, чем темной силы и свирепого нрава своего господина. Местные жители не раз сталкивались с ними лицом к лицу. Мно-

гие из-за драконов потеряли родных или имущество. Я хорошо запомнила исповедь Авенара. И сейчас удовлетворенно смотрела на побелевшие лица.

– Можете обращаться ко мне «леди Хлоя», – сделала я небольшую уступку, чтобы сгладить жестокость угрозы. – Я не собираюсь оставлять своего супруга вдовцом в седьмой раз. Даже не рассчитывайте на это. И пусть никто из вас в это не верит – вы будете подчиняться мне, пока я жива. А я намерена жить долго.

Теперь уже никто не смеялся. Слова падали в тишину, будто камни. Их не заглушал даже шум прибоя за окнами.

– Понимаю, у вас есть поводы не принимать меня всерьез, – я заглядывала в глаза каждому, кто не отвел взгляда. – Вы боитесь, что я начну копать. Спрашивать. Выяснять, почему предыдущие герцогини умерли. Кто был с ними в последние дни. Что именно они ели. С кем говорили. Кто подносил им питье и кто дежурил ночью.

Кто-то в глубине зала вздрогнул. Я уловила движение – тонкая рука сжала передник. Может, Миранда? Нет – Миранда стояла сбоку, чуть поодаль, с маской благопристойного равнодушия на лице.

– Но бояться стоит не этого, – продолжила я, делая шаг к толпе, и толпа передо мной расступилась. – Бояться стоит моего терпения. Потому что оно не бесконечно. Я еще не выдвигаю обвинений. Пока.

Я остановилась перед ближайшей служанкой – молодой,

темноволосой, с пухлой нижней губой. Ее глаза испуганно расширились.

– Твое имя? – спросила я.

– Т... Тереза, госпожа...

Ну хоть не очередная Марцелла или Малена. А то я скоро перестану их различать.

– Хорошо, Тереза. С завтрашнего дня ты станешь приносить мне еду. Только ты. И, поверь, если с ней будет хоть что-то не так – я узнаю. А если узнаю – ты пожалеешь, что родилась.

Она судорожно кивнула. Рядом кто-то шумно сглотнул.

– Я хочу знать, кто у нас отвечает за кладовую, за стирку, за кухню, за лазарет, замковые записи и внутренние замки. Кто? Выходите.

Люди зашевелились. Вышли семеро. Кто с опаской, кто с упрямой надменностью, кто – с откровенной враждебностью во взгляде.

Отлично. Я видела теперь, с кем буду иметь дело. И в ком, возможно, таится угроза.

– Мы поговорим с вами по отдельности. С каждым. Я хочу знать все, что вы знаете. И не беспокойтесь, я умею слушать.

С этими словами я перевела выразительный взгляд на Миранду и улыбнулась:

– Даже когда мне лгут.

Она склонила голову, как учили. Но на ее лице не отразилось ни единой эмоции.

Когда я вышла из зала, солнце уже садилось. Широкий коридор утопал в длинных тенях, и под его каменными сводами чадили факелы.

Я прижала руку к животу.

– Видишь? – прошептала. – Мы не дадим себя сломать.

Ребенок не ответил. Он был еще слишком мал, чтобы даже я, мать, ощущала его присутствие. Но мне пока хватало того, что он есть.

В сопровождении Миранды я двинулась к своим покоям. Впереди ждал ужин в компании свекрови и золовок. Я ломала голову, как избежать их общества, когда в проходе показалась знакомая фигура.

Она неторопливо двигалась мне навстречу. Будто не шла, а плыла в сопровождении слуг. Высокая, статная, с открытыми плечами, белеющими в пене кружев, и блестящими черными локонами, в которых сверкали рубины.

Я бы решила, что это придворная леди случайно залетела в Минрах прямо с королевского бала. Слишком уж пышным и неуместным смотрелся ее наряд.

Но нет, это была всего лишь моя золовка. Сестра Гидеона. Графиня Малена Рингроу.

Она остановилась, не дойдя до меня пары шагов. Сделала знак сопровождающей ее горничной, и та с поклоном отступила к стене. А вот Миранда не двинулась с места. Осталась стоять у меня за спиной.

Взгляд графини скользнул по моему лицу и одежде. Мед-

ленно, как лезвие ножа по коже.

Глаза у нее были необычайно красивые, орехово-карие, осененные длинными черными ресницами. Глаза лани. За которыми пряталась хищница.

– Значит, ты решила поиграть в хозяйку?

Никаких приветствий. Никаких притворных улыбок. Только холод, облитый ядом иронии.

Я выпрямила спину.

– Я не играю, миледи. Я замужем за вашим братом. Это дает мне право распоряжаться замком.

– Временно, – отрезала она. – Очень временно.

Я не позволила себе опустить взгляд. Пусть смотрит. Пусть знает – я не отступлю.

– Ваше беспокойство обо мне достойно уважения, леди Малена. Но не переживайте. Я справлюсь со взятыми на себя обязательствами.

– С чего ты взяла, что я о тебе беспокоюсь? – золовка тихо рассмеялась. Смех у нее был странный – будто она нервничала, но тщательно это скрывала. – Ты здесь никто! Твое дело – быть подстилкой моего брата.

Я сжала кулаки так, что ногти вонзились в ладони.

Она же удовлетворенно продолжила:

– Это единственное, что тебе позволено в этом доме. А будешь лезть не в свои дела, я все расскажу Гидеону. Скажу, что ты нарушаешь покой замка. Смущаешь слуг и подрываешь его авторитет. Поверь, мой брат меня послушает и от-

правит тебя туда, где тебе самое место. В подвал. Под замок. Без света и окон.

Змея даже не скрывала, что она змея. Чувствовала свою безнаказанность или боялась?

– Как пожелаете, – я сделала вежливый книксен, признавая ее главенство. – Можете избавиться от меня прямо сейчас, только помните: седьмая – не значит последняя. Меня не станет – и Гидеон женится снова. И снова. До тех пор, пока не родится законный наследник. А вы будете все так же следить за чужими женами и все так же надеяться, что однажды Минрах достанется вашему сыну.

Она резко втянула ртом воздух.

Значит, я не ошиблась. Мысль о герцогской короне, уплывающей в чужие руки, не дает ей покоя.

– Ты угрожаешь мне? – процедила она.

– Нет, что вы! Разве я смею?

В доказательство своих слов я смиренно склонила голову.

Между нами повисла напряженная пауза. Она длилась пару мгновений, пока наконец Малена не отступила на шаг. Ее ненавидящий, пронизывающий до костей взгляд сосредоточился на моем животе.

– Прекрасно, – она сухо усмехнулась. – Играй в герцогиню, если хочешь. Наряды, ужины, слуги... Все это – пыль. Посмотрим, сколько ты продержишься, прежде чем это место переломит тебя. Как всех до тебя.

Она обошла меня и двинулась прочь, оставляя за собой

шлейф из тяжелых духов и восточных благовоний.

Я осталась стоять посреди коридора с бешено колотящимся сердцем и головокружением от прилива эмоций. Даже забыла, что рядом находится Миранда. Пока та сама о себе не напомнила:

– Идемте, госпожа, уже поздно.

Глава 6

Сон не шел.

Я ворочалась в большой кровати, на мягких перинах, укрытая воздушным, невесомым, но при этом теплым одеялом. Подушки, в которые добавили ароматные травы, источали слабый запах лаванды.

Раньше он мне очень нравился, но сейчас раздражал. Как я ни пыталась уснуть, ощущала лишь нарастающую головную боль.

Мысль, что в этой постели до меня умерло пять женщин, пять предыдущих жен Минраха, гнала сон прочь.

Сквозь открытое окно пробивался желтый свет луны. Он отражался от резной решетки, дробился об нее и падал сложными узорами на стены и потолок спальни.

Я скользила взглядом вдоль этих линий, представляя, что ищу выход из лабиринта. Выход, который никак не находился...

Вдруг тишину ночи нарушил шорох шагов. Показалось, что скрипнула дверь и кто-то вошел в мои покои. Я приподнялась на локтях, чувствуя, как колотится сердце и шумит в ушах.

Неужели герцог? Пришел вновь поглумиться надо мной?

Но зачем, если его семя уже дало плоды? Ничего большего он от меня не добьется.

Зашуршала ткань закрываемой занавески. А затем шаги замерли за моей дверью. Замерла и я, даже не осознавая, что не дышу. Лишь повторяла про себя молитву Всемогущему, просила дать мне сил, чтобы стойко перенести муку и не плакать, когда этот ужас вновь повторится.

Но Гидеон стоял за приоткрытой дверью и не спешил входить. Подглядывал за мной в небольшую щель. Будто нарочно медлил, доводя меня до безумия этим нескончаемым ожиданием.

Почти не моргая, я смотрела на дверь, ожидая, когда она отворится. И вдруг увидела маленькую тень. Она на мгновение застыла на пороге спальни, а затем деловито перебежала через комнату и скрылась под тяжелым резным шкафом.

Мышь!

Я рассмеялась. От испуга и напряжения. Вышло хрипло и слегка пугающе, нарушив тишину ночи. Однако я и не подумала прекращать, даже когда смех стал походить на истерический. Мне было необходимо выплеснуть наружу скопившийся во мне ужас ожидания.

Перепутала грозного герцога с маленькой мышкой! Это ведь действительно смешно. Жаль, что мне некому рассказать, чтобы посмеяться вместе.

Новая соседка меня не пугала. Уж лучше мышка, чем мой ненавистный супруг.

Я откинулась обратно на подушки, вдохнула сладковатый аромат трав и решила, что завтра же велю Миранде поменять их. Можно было и сейчас вызвать горничную. Сонетка вела в ее спальню. Миранда пришла бы, несмотря на глубокую ночь, я уверена.

Однако мне не хотелось ее видеть.

Я снова вернулась к узорам на потолке. Принялась бродить взглядом по зыбким линиям в поисках выхода из лабиринта. Постепенно замечая, как линии обретают объем, становятся темнее, подвижнее.

И вот уже юркие тени летают под потолком, спускаясь все ниже и ниже, постепенно обволакивая меня, подхватывая и вовлекая в свой чудный танец...

Будто издалека послышался голос. Кто-то смеялся:

– Я сделаю с вами обоими все, что захочу. И никто мне не помешает. Сегодня же, как только тебя отмоют, мы проведем брачный обряд. Я войду к тебе и сделаю все, чтобы ты понесла. Посмотрим, кого ты родишь. Если ублюдка от дракона, то вас обоих ждет смерть. Если ребенка с магией от меня – я дарю тебе жизнь. Будешь жить на цепи у моих ног, как шелудивая собака. Мне нужно много наследников, которым я передам свой дар. И ты будешь их рожать. Одного за другим. Пока не сдохнешь.

Я задрожала. Этот жестокий голос был мне знаком. Гидеон Минрах. Он сказал это там, на острове, прежде чем...

– Дайте мне меч!

Луч света прорезал тьму и осветил его фигуру. Он был похож на мрачную и смертельно опасную тень. Другая тень вложила клинок в его протянутую руку.

Нет. Нет! Нет!

Не надо снова переживать этот ужас. Прошу, пожалуйста, не надо. Я не хочу видеть это еще раз!

Не осознавая, что сплю, я металась на подушках, тонула в назойливом аромате лаванды и не могла вырваться из сна, повторяющего реальность. Реальность, которая почти убила меня.

Мои мольбы никто не слышал. Никто не позволил мне закрыть глаза или отвернуться. Снова, как и в тот раз, я смотрела, как меч пронзает грудь Авенара. Как солдаты хватают моего дракона за выкрученные руки и волокут прочь по земле, словно мешок. Как он исчезает в ярком солнечном свете, заливающим вход в пещеру.

А затем этот ужасный звук. Он грохотом горного обвала заполнил мое сознание, хотя на самом деле был тише шепота. Звук падения в воду. Едва слышный всплеск.

Из-под закрытых век потекли слезы, тонкими ручейками скатываясь на подушку. Аромат трав стал сильнее. Он проник даже в сон, отчего я вдруг осознала себя стоящей посреди бескрайнего поля, поросшего высокой цветущей лавандой. По ней проходили «волны», поднимаемые ветром. Куда ни глянь – только лаванда. Я словно оказалась посреди сиреневого моря.

Спину обожгло взглядом. Сердце дрогнуло, подсказывая, кто это может быть.

Не смея поверить, я обернулась.

Позади меня стоял он. Авенар. В тех самых холщовых штанах, с потеками крови на лице и груди.

Наверное, Всемогущий все-таки сжалился надо мной и позволил сделать то, чего я не сделала раньше.

– Я люблю тебя, – произнесла я отчетливо, глядя в лицо моему дракону. – Я люблю тебя, Эридан Авенар!

Пусть всего лишь во сне. Пусть он этого никогда не услышит. Однако мне безумно хотелось это сказать.

– Я тоже люблю тебя, Хлоя, – мягко улыбнулся дракон. – И нашего сына.

Нашего сына?

Я схватилась за грудь, пытаюсь удержать выскакивающее сердце.

Слова Авенара коснулись меня теплым дыханием, проникли внутрь и заставили горло сжаться от огромной, всепоглощающей нежности.

– Я знала! – прошептала, глотая слезы. – Знала, что не ошиблась! Что ношу частичку тебя!

А затем сделала шаг к Авенару и сразу оказалась в его объятиях. Таких родных, таких крепких, необходимых. Мы стояли, прижавшись друг к другу, и не двигались. Наслаждались близостью. Я вдыхала запах любимого, тот самый, который помнила. Который так хотелось уловить, когда прохо-

дила вдоль окон, выходящих на взморье. И который явился во сне, когда я почти отчаялась снова его ощутить.

Неважно, что это сон. Неважно, сколько времени нам отпущено. Я хочу насладиться каждым мгновением...

– Хлоя... – произнес любимый.

Я подняла голову и вдруг поняла, что Авенар изменился. Теперь его голову венчала серебряная корона с крупными самоцветами в основаниях зубцов.

Корона лаэрда Лунного клана. Я поняла это сразу и чуть отстранилась, чтобы увидеть одежду. И снова угадала. Лохмотья исчезли. На Авенаре был непривычный моему глазу наряд: длинный камзол из белого атласа, украшенный серебряным шитьем. Это шитье повторяло контуры дракона, распахнувшего крылья. На поясе камзол стягивал широкий алый кушак, тоже вышитый серебром.

– Хлоя, – повторил мой дракон.

Он коснулся моего лица. Его ладонь была теплой.

– Ты жива, Хлоя, – сказал он, серьезно глядя мне в глаза.
– Это еще не конец.

Я не могла говорить. Грудь сдавило, не давая дышать.

– Я жива, – выдохнула через силу. – Я жива, а ты – нет.
Они убили тебя...

Он склонился, прижал лоб к моему.

– Не верь им. Не сдавайся. Я приду за тобой.

– Но ты... – мой голос сорвался. – Я видела...

– Глаза врут. Уши тоже. Верь своему сердцу, Хлоя, оно не

обманет.

Его рука исчезла с моей щеки.

Я хотела схватить ее. Удержать. Остаться здесь, в этом мгновении, прижимаясь к его ладони. Но он уже отступал. Его лицо растворялось в тумане, а с ним и тепло.

– Авенар, не бросай меня! – закричала я. – Прошу... мне так плохо!

Он улыбнулся.

Я уже видела эту улыбку. Немного грустную, полную горечи. Так улыбается человек, который смирился со своей долей. Так улыбался он, когда сказал, что я его истинная.

– Ты сильнее, чем думаешь, Хлоя. Ты носишь дракона, сына неба и пламени. Он будет твоим щитом, пока я не приду...

И исчез.

Я проснулась в темноте, с мокрыми от слез щеками и ладонями, прижатыми к животу.

«Пока я не приду...», – повторила как заклинание.

Что это значит? Я не понимала. Однако впервые за долгое время мне стало легче дышать.

Как потом уснула – не знаю. Разбудил меня звук шагов. Кто-то шел по коридору, впечатывая каблуки в каменный пол и звеня шпорами.

Еще до того, как скрипнула дверь, я уже поняла – это он. Не по звуку, не по шагам, а по тому, как мгновенно все сжалось внутри.

Запах предшествовал его появлению: крепкий алкоголь, мокрая кожа перчаток, пропахший кровью меч у пояса, пепел магических ритуалов. Все смешалось в удушливый аромат власти, который стелился за ним точно шлейф.

Ветер из коридора качнул шторы, и в комнату вполз холод – такой же, как в глазах человека, который вошел вслед за ним.

Гидеон Минрах.

Мой муж. Мой палач.

Я не встала. Только по подбородок закуталась в одеяло да проверила, смогу ли дотянуться до сонетки, если мне понадобится помощь служанки. А впрочем, какая помощь? Миранда разве что поможет меня держать...

Гидеон подошел к кровати, остановился. Откинул опущенный полог и скользнул по мне хмурым взглядом. Не сказал ни слова, но я ощутила его напряжение.

Он выглядел невыспавшимся. Густая черная борода, обычно приглаженная и умощенная маслами, сейчас в беспорядке топорщилась, как и волосы на его голове. Под глазами виднелись глубокие тени, нос заострился и стал похож на клюв хищной птицы.

– Я думал, ты спишь, – произнес глухим, низким голосом, похожим на рокот.

В нем не было ни тепла, ни любопытства. Просто констатация факта.

– Не сплю, – ответила я, бросая взгляд в сторону окон.

Судя по небу, уже рассвело.

– Миранда сказала, что во сне ты кричала и плакала.

Я ощутила, как изнутри покрываюсь льдом. Вцепилась в край одеяла, чтобы скрыть, как дрожат мои пальцы, а сама едва выдержала взгляд Гидеона. Только бы Миранда не слышала, как я зову Авенара!

– Ничего особенного. Просто дурной сон.

Мне пришлось постараться, чтобы голос не дрогнул.

Гидеон шагнул ближе.

– Дурной сон, значит... – протянул он с каким-то болезненным удовольствием. Будто наслаждался моментом. – Говорят, первый сон на новом месте – пророческий. Так что же тебе приснилось, моя жена?

«Моя» – он нарочно выделил это слово. В его устах оно прозвучало как угроза.

– Я не знаю...

– Зато я знаю. Ты звала его во сне, – продолжил герцог, делая паузу между словами. – Авенара. Тоскуешь по драконьему ублюдку?

«Сказала... Миранда все ему рассказала! Она подслушивала мои сны», – пронеслось в голове.

Мы смотрели друг на друга. Его черные глаза были холодными и пустыми, как морская бездна. А меня переполняла

боль. Но я не могла ее показать. Никому нельзя показывать свою слабость!

– Это ничего не значит, – сглотнула, чувствуя, как невидимый обруч стягивает мое горло. – Ты сам знаешь, сны – не доказательство.

Гидеон усмехнулся. Уголок губ дернулся чуть болезненно – единственный признак того, что мои слова его задели.

– Нет, не доказательство. Но подозрение.

Он оттолкнулся от столбика и начал медленно прохаживаться по комнате. Касался всего, что попадалось ему на пути: то мраморной кромки камина, то спинки кресла... но не меня. Как зверь, принюхивающийся к следу. Его пальцы, затянутые в грубые краги, скользили по поверхностям, оставляя невидимые метки – напоминание, что все здесь принадлежит ему. Включая меня.

– Ты носишь под сердцем ребенка, Хлоя, – произнес он с тихой, сдержанной яростью. – Чей он?

– Вы же знаете, у меня нет ответа, – мой голос звучал хрипло, будто в горло набили песка.

– Неужели?

Он резко обернулся и сделал два стремительных шага ко мне. Навис надо мной, лежащей в постели.

От этого я почувствовала себя особенно уязвимой. Одной рукой он ухватился за столбик кровати.

Наклонился, почти касаясь носом моего носа. А я, насколько смогла, вжалась в подушки.

Наверное, будь подо мной камень – я бы продавала его. Так сильно мне хотелось увеличить расстояние между нами.

– Ты ведь его истинная, да? – продолжил герцог, сверля меня взглядом. – Истинная. Иначе он никогда бы не опустил-ся до связи с человеком. Для дракона это позор. Да и клеймо не позволило бы ему взять мою женщину.

Лицо Гидеона было так близко, что я почувствовала его дыхание на своих губах – горькие травы и алкоголь.

Сердце бешено застучало, выдавая мой страх.

– Вы пьяны...

Губы герцога раздвинулись в хищной усмешке.

– Пьян? О да, я пьян. Моя жена, возможно, носит ублюдка. А я должен ждать, пока он родится, чтобы удостовериться в этом. Хотя уже сейчас с радостью бы вырвал его!

Я вздрогнула, представив руки Гидеона, вырывающие что-то из моего тела. Ладони тут же прикрыли живот, защищая нерожденное дитя. Он это заметил – его злые глаза сверкнули.

– Но знаешь что, Хлоя? – он засмеялся, гортанно и хрипло. – Моя дорогая жена. Я умею быть терпеливым. Я дождусь и узнаю правду. Если этот ребенок мой – он получит все. Имя, титул, власть. Если нет...

Он не договорил, давая мне самой додумать.

– А если он все же ваш? – выдохнула я, ловя его взгляд.

В голове отчаянно билась мысль: я должна усыпить его бдительность!

– Тогда он станет моим преемником. Вместилищем моей силы.

– Но... это все, что вам нужно от сына? Чтобы он стал сосудом?

– Ему придется, – холодно бросил герцог. – Иначе он не сможет защищать эти земли. Забыла, с кем мы воюем?

Он выпрямился во весь рост, и его тень накрыла меня целиком. Глаза стали узкими, жесткими – как у змеи перед броском.

– Так что береги его, Хлоя.

Гидеон направился к двери, его шаги гулко отдавались в тишине. На пороге он задержался, не оборачиваясь.

– Но если ты носишь ублюдка... – он повернул голову ровно настолько, чтобы я увидела профиль, похожий на коршуна. – Вы оба умрете. Хотя, возможно, я использую его для своих ритуалов. Говорят, кровь младенца-дракона дарует бессмертие.

Рассмеявшись, он вышел.

Дверь захлопнулась с таким звуком, будто это была крышка гроба.

Глава 7

После ухода мужа я долго лежала, свернувшись калачиком и обняв ладонями живот. Не спала, однако глаза прикрыла, чтобы не видеть реальность. Хотелось еще немного побыть вне новой жизни.

Затем пришла Миранда. Я слышала, как она приоткрыла дверь, какое-то время разглядывала меня, пытаясь понять – сплю или нет, а потом принялась за работу.

До конца раздвинула шторы, заполняя покои солнечным светом. Принесла кувшин со свежей водой для умывания и чистую сорочку.

Служанка не гремела намеренно, но и не соблюдала тишину, уверенная, что мне пора вставать. Она была права. Однако моя неприязнь к Миранде возрастала чуть ли не с каждым ее движением.

Наконец я поднялась и свесила ноги с постели, осторожно касаясь носками пола.

Детская привычка, укоренившаяся и во взрослой жизни – проверять, холодные доски или теплые, и загадывать: если теплые, значит, день будет хорошим.

Глупость, конечно, но я привыкла к этому ритуалу. В спальне герцогинь Минрах моих ног касался пушистый ворс ковра, мгновенно напоминая, что прошлого больше нет. И

отныне я не могу себе позволить даже маленьких слабостей.

Служанка тут же подошла ко мне, чтобы помочь снять ночную рубашку.

– Миранда, смени белье на постели, – приказала я. – И больше не используй лаванду, у меня от нее болит голова.

Меня поразило звучание собственного голоса.

В нем не слышалось ни единого проблеска эмоций – холодный, властный и равнодушный.

– Слушаюсь, госпожа, – служанка поклонилась.

Мне показалось, чуть более поспешно, чем прежде. Однако я не придавала этому значения.

К спальне прилегала небольшая купальня с выдолбленной в полу чашей для омовений. Сейчас она была пуста, но рядом уже ждал фаянсовый таз.

– Почему воды нет? – я кивнула на чашу.

– Простите, госпожа, не успели наполнить.

«Или не посчитали нужным», – мысленно дополнила я за служанку. А вслух коротко бросила:

– У тебя срок до вечера, чтобы исправить эту оплошность.

И вымой тут все хорошенько. По углам висит паутина.

Это я, конечно, зря – паутины не было. Но от моих глаз не укрылось, как досадливо поморщилась Миранда. Будто забыла, что должна носить маску холодной вежливости.

Я подняла руки, позволяя ей стянуть с меня рубашку, затем расплести ночную косу и заколоть волосы на затылке. Легкий ветерок из распахнутого окна бродил по обнаженной

коже, рисуя узоры из мурашек.

– Готово, госпожа, – сообщила служанка.

Я ступила в фаянсовый таз. Закрыла глаза и задержала дыхание. Первые струйки воды потекли по коже. Однако они оказались теплыми. Хотя еще вчера Миранда принесла прохладную воду для утреннего умывания. Что-то неувлимо менялось вокруг меня.

И я не знала – к добру это или к худу.

Миранда уже закутывала меня в широкое полотенце, когда в дверь спальни робко постучали.

– Ваш утренний чай, госпожа, – прозвучал тихий знакомый голос.

– Тереза? – я улыбнулась, глядя на вошедшую девушку. – И как чай? Вкусный?

Вместе с пузатым фарфоровым чайником, сахарницей и молочником она принесла тарелку с тарталетками, первыми ягодами и сыром.

В ответ на мой вопрос она покраснела. А я дождалась, пока Миранда наденет на меня дневную сорочку, затем прошла к столику, взяла с тарелки краснобокую черешню и протянула Терезе:

– Ешь.

Та дрожащей рукой сунула ягоду в рот. Раскусила, и на секунду ее глаза затянула поволока.

– М-м-м, – не выдержав, она издала звук удовольствия.

– Вкусно? На, попробуй и это, – я подала ей крупную, мя-

систую вишню темного, почти черного цвета.

Быстрый взгляд, брошенный Терезой на Миранду, не остался мной незамеченным. Как и то, что Миранда была весьма недовольна этой задержкой. Но у моих действий была причина. Я хотела удостовериться, что никто не пытается меня отравить.

Я заставила Терезу попробовать все, что она мне принесла. И только тогда сама села есть.

Черешня оказалась необычайно сладкой и сочной. Вишни тоже.

– Не знала, что ягоды уже спели, – я с удовольствием поглощала их одну за другой.

– Замок на скале, поэтому тут прохладно, но в долине рано начинается лето, госпожа, – пробормотала Тереза, заливаясь краской по самую маковку. – Скоро пойдет клубника...

Я скрыла усмешку. По девушке было видно: она боится меня. Вот и хорошо, пусть боится. Такая не посмеет подложить яд просто из трусости. Потому что ей же придется его съесть.

Наконец сытая и довольная я поднялась. Пора одеваться.

Едва Тереза ушла, забрав с собой посуду, Миранда задала неожиданный вопрос:

– Какое платье желаете сегодня, госпожа?

Я даже не осмотрела свой гардероб. Да и вчера она сама выбирала одежду.

– Сегодня я встречаюсь со старшими слугами, подбери

подходящий наряд.

– Как прикажете, госпожа.

Миранда снова поклонилась и скрылась в гардеробной. Я проследила за ней взглядом. Неужели утренний визит моего супруга повлиял на поведение горничной? Может, она решила, что я теперь в милости у герцога? Поэтому стала почтительной?

Надеюсь, остальная челядь тоже так думает. Мне не нужна жестокая борьба еще и с прислугой. Хватит дражайших родственников.

Когда Миранда принесла платье, я решила, что в качестве горничной она меня вполне устраивает, несмотря на доносы герцогу. Наряд как нельзя лучше подходил для запланированных мною встреч – строгий, величественный и женственный. Способный подчеркнуть, что я не только герцогиня, облеченная властью хозяйка замка, но еще и женщина.

Весьма привлекательная женщина, решила я, взглянув на свое отражение в зеркале. На этот раз Миранда держала его до тех пор, пока я не бросила быстрый взгляд. И лишь тогда, удовлетворенная, положила его на туалетный столик.

И снова на мне были рубины. Они украшали волосы и шею. А на указательный палец правой руки Миранда надела перстень с крупным камнем.

Я оценила ее внимание к деталям. Камень рода на правой руке – символ власти, дающий мне право распоряжаться всеми службами замка.

Покончив со сборами, я перешла в свой кабинет. Покои герцогини в замке размером были с половину дома Бурджесов. Однако я не испытывала радости. Это все было не моим, всего лишь временным жилищем, а еще инструментом, необходимым для свершения мести.

Вот она была моей. По-настоящему моей. Тем, что заставляло меня просыпаться по утрам и начинать новый день.

Мечь за любимого мужчину – и его ребенка.

Я подошла к большому столу, провела кончиками пальцев по гладкой поверхности и села в стоящее за ним кресло, оказавшись спиной к окну. Оно так же, как и остальные окна моих покоев, было забрано решеткой, которую обвивал цветущий плющ. Его тени оказалось достаточно, чтобы солнце не слепило и при этом хорошо освещало комнату.

– Госпожа желает что-то здесь изменить? – почтительно спросила Миранда.

«Да, госпожа желает узнать, что за овод тебя сегодня ужалил и кому ты успела разболтать, что герцог на рассвете приходил ко мне в спальню?» – ужасно хотелось задать этот вопрос и посмотреть на ее лицо.

Однако я окинула равнодушным взглядом убранство кабинета, излишне яркое и кичливое, на мой вкус, и спокойно ответила:

– Позже решу.

Миранда снова поклонилась.

– Сейчас позови ко мне... – я задумалась, с кого начать.

В замке было семь старших слуг и старый жрец Ионисий, проживающий в храме.

Шталмейстер занимался конюшнями и лошадьми, а также всем, что имело к ним отношение.

Плотник чинил повозки, а в свободное время мог изготовить шкаф или ширму.

Кузнец не только подковывал лошадей, но еще правил мечи воинам, ковал ножи и кухонную утварь.

Камергер следил за покоем и гардеробом герцога, а еще он отвечал за все гардеробы замка.

В ведении старшего повара находилась кухня и кухонная прислуга. Он же составлял меню и отвечал за запасы продуктов.

Были еще старшая горничная и кастелян. А над ними два управляющих. Один из которых, Бальтазар Дангримо – занимался делами остального герцогства и рубиновых рудников. Второй, Эстебан Лагорт, ведал внутренними делами замка, снабжением и людьми.

– Позови ко мне управляющего Лагорта, – заявила я, принимая решение.

Дверь за Мирандой закрылась, и в кабинете воцарилась тишина, нарушаемая лишь легким шелестом плюща за решетчатым окном. Я медленно провела пальцем по резному

краю стола, ожидая.

Не прошло и десяти минут, как в кабинет постучали.

– Войдите.

Эстебан Лагорт вошел с тем же бесстрастным выражением, с каким, должно быть, докладывал герцогу о сборе урожая или ремонте крыш. Его поклон был формальным, ровно настолько, чтобы не дать повода для упрека в неуважении.

– Вы желали меня видеть, госпожа?

Ударение на последнем слове было едва уловимым, но я его заметила. «Госпожа», а не «ваша светлость». Будто я временная гостья, а не хозяйка замка.

– Да, – я откинулась в кресле, изучая его. – Как обстоят дела с запасами продовольствия в замке?

Лагорт слегка поднял брови, будто удивленный, что я вообще интересуюсь такими вещами.

– Все в порядке. Я уже предоставил герцогине Минрах полный отчет.

– Герцогине Минрах? – я выразительно постучала пальцами по столу. – Что-то не припомню вашего доклада у себя на столе. Не сочтете ли за труд напомнить, что именно было в вашем отчете?

На этот раз в его взгляде промелькнула плохо скрытая неприязнь.

– Что вы хотите знать, госпожа?

– Как замок пережил зиму? Достаточно ли припасов и фуража? Хватит ли зерна для посева?

Я задавала вопросы, а сама следила за управляющим. На слове “зерно” его взгляд нервно забегал.

– Ах да, зерно... – протянул он, будто вспомнив о чем-то.
– Была небольшая проблема. Северные кладовые немного подтопило, зерно попортилось, но мы уже восполнили недостачу из южных хранилищ.

– Что значит «подтопило»? В Минрахе так много снега?

Из скудных уроков географии я помнила, что зимой здесь редко бывают сильные морозы, а выпавший снег тут же тает. Откуда взяться половодью?

– Нет, рухнула плотина.

– По какой причине?

– Она была слишком старой.

– И когда это случилось?

– Месяц назад, когда снег в горах начал таять.

– Но он ведь тает там каждый год? Почему вы не позаботились, чтобы заранее проверить крепость плотины?

– Плотины не входят в мои обязанности. За них отвечает Дангримо.

Лагорт явно чувствовал себя неуютно рядом со мной, но и открыто грубить мне не мог.

– Не входят? – я чуть наклонилась вперед, спеша закрепить эффект. – А что по этому поводу думает герцог? Ему вы тоже подавали отчет?

Глаза управляющего неприятно блеснули.

– Госпожа, если вас беспокоит состояние плотин или

управление складами, возможно, стоит обсудить это с вдовствующей герцогиней. Она курирует все хозяйственные вопросы.

Я холодно улыбнулась:

– Как удобно. А если я попрошу вас принести мне чашку чаю – вы тоже побежите к ней за разрешением?

– Я лишь следую установленному порядку.

– Какой образцовый управляющий, – сладко сказала я. – Сколько вы здесь уже служите?

– Семнадцать лет.

– Надо же! Шесть жен герцога приходили и уходили, а вы остаетесь. Должно быть, вы мастер своего дела.

Его веки дернулись, но он сумел сохранить лицо невозмутимым.

– Я служу дому Минрахов.

– А я теперь часть этого дома. Или вы сомневаетесь?

– Конечно, нет, госпожа.

В кабинете повисло молчание. Неуютное, колючее. Мне хотелось побыстрее его прекратить и избавиться от этого человека, который даже не скрывал, что не считает меня хозяйкой.

– Хорошо, – я нарушила паузу. – Поскольку вы столь трепетно соблюдаете порядок, то передайте герцогине Каталине мою просьбу о встрече. Раз уж все мои решения должны получить ее благословение, лучше обсудим все лично.

Похоже, разговора со свекровью не избежать. Вчера Ма-

лена с ее угрозами, сегодня вдовая герцогиня, решившая действовать с помощью слуг...

Лагорт почтительно склонил голову. В его глазах мелькнуло облегчение. Видимо, и сам рад поскорее избавиться от меня.

– Как прикажете.

Он развернулся и вышел, а я сжала кулаки под столом.

Что ж, это всего лишь один управляющий. Есть еще второй, может, с ним удастся найти общий язык?

Глава 8

Но зря я надеялась. Бальтазар Дангримо оказался еще неговорчивее. Он даже не явился, прислав вместо себя записку, в которой витиевато сообщил, что вынужден срочно отбыть на восточный рудник, где ночью случился обвал.

– Миранда, ты что-нибудь слышала об обвале? – спросила я, прочитав.

– Нет, госпожа.

– Ясно.

Я немного посидела, барабанила пальцами по столу. Похоже, слуги решили меня игнорировать.

Вчерашняя демонстрация силы ничего не дала. Звать всех остальных не было смысла. Однако сдаваться я тоже не собиралась. Приняв решение, встала.

– Идем, Миранда. Прогуляемся.

– Желаете выйти в сад, госпожа?

– Нет, желаю пройтись по замку и заглянуть в каждый угол. Хочу своими глазами увидеть свой новый дом. Да, именно дом, – повторила, заметив в ее глазах огонек удивления. – Мне же здесь жить.

– Хорошо, госпожа.

– Начнем со складских помещений. Тех самых, которые затопило.

Мы вышли из кабинета, и холодный воздух каменных коридоров заставил кожу покрыться мурашками.

Миранда шла чуть позади, ее шаги были бесшумными, как у кошки. Я чувствовала ее настороженный взгляд у себя за спиной.

– Северные кладовые находятся в нижнем ярусе северного крыла, госпожа, – тихо подсказала она. – Туда далеко идти.

– Ничего, я справлюсь.

Путь и правда был долгим. Замок оказался гораздо больше, чем я представляла, – целый город, обнесенный тройной стеной и сторожевыми башнями. Но я развлекалась тем, что запоминала дорогу.

Наконец мы достигли северного крыла. Это был хозяйственный корпус, состоящий из трех этажей.

Стража на входе, увидев меня, посторонилась.

Мы спустились по винтовой лестнице, ступени которой были стерты до блеска за долгие годы службы. Чем ниже мы опускались, тем сильнее пахло сыростью, плесенью и чем-то кислым – испорченным зерном?

Внизу коридор разветвлялся. Слева тянулся ряд массивных дубовых дверей с железными засовами – склады. Справа – темный проход, ведущий, судя по всему, в подземелья.

Я направилась к ближайшей двери и толкнула ее.

Запах ударил в нос сразу.

– О Всемогущий...

Здесь царствовала полутьма. На каменном полу полутускло отсвечивали лужи застоявшейся воды. Мешки с зерном были свалены в беспорядке, многие разорваны, их содержимое смешалось с грязью.

Плесень расплзлась по углам черными пятнами.

– Это и есть «все в порядке»? – я повернулась к Миранде.

Она побледнела.

– Я... не знала, госпожа.

– Конечно, не знала. Потому что Лагорт солгал.

Так же, как в свое время управляющий солгал моей мачехе. Но я – не она.

Я шагнула вглубь, подол платья тут же намок. Вода была ледяной.

– Сколько еще таких кладовых?

– Четыре, госпожа.

– И все в таком состоянии?

– Не знаю...

Я сжала зубы.

– Позови сюда управляющего. Сейчас же.

Миранда метнулась к выходу, а я осталась, осматривая разруху.

«Месяц назад рухнула плотина».

Но если бы это было правдой, зерно уже сгнило бы полностью. А здесь следы свежего подтопления – вода еще не успела высохнуть.

Значит, Лагорт не просто игнорирует меня. Он лжет.

И я намерена выяснить – почему.

Через несколько минут в дверях появился управляющий. Его лицо было невозмутимым, но пальцы слегка подрагивали.

– Госпожа, мы с вами уже...

– Объясните мне это, – я оборвала его, указав на затопленное помещение.

Но он даже не взглянул.

– Как я уже говорил, плотина...

– Перестаньте врать! – мой голос гулко отозвался от каменных стен. – Вода здесь свежая.

Его глаза сузились.

– Возможно, протечка в стене...

– Возможно? Вы управляющий! Вы должны знать!

Тишина.

Но вот он медленно выпрямился. В его взгляде появилось что-то новое. Раздражение? Злость?

– Госпожа, вам действительно стоит обсудить это с герцогиней Каталиной.

Я шагнула вперед.

– Нет. Мы обсудим это сейчас.

Он непочтительно хмыкнул:

– Нечего обсуждать. Вы тут временно. И, если позволите мне говорить откровенно... – его голос стал тише, – не первая. И не последняя.

Мы замерли, глядя друг другу в глаза. Ни один слуга не

позволил бы такого со своей госпожой. Но Лагорт даже не скрывал, что в его глазах я никто. Временная помеха. Однако я собиралась его удивить.

Поэтому рассмеялась.

Этого он точно не ожидал, а потому отпрянул с легким недоумением.

– О, господин Лагорт, – я покачала головой, – вы правы. Я действительно могу исчезнуть завтра. Но знаете, что точно останется?

Сделав еще шаг, я сократила расстояние между нами до минимума.

– Следы.

Он нахмурился.

– Какие следы?

– Те, которые я оставлю. Например... донос герцогу о хищении зерна.

Его лицо исказилось.

– У вас нет доказательств...

Я улыбнулась:

– Они мне не нужны. Это вам придется доказывать свою непричастность. Ведь если плотина не рухнула, значит, зерно украли, как и деньги на восстановление этой плотины. А кто виноват? Правильно, управляющий Эстебан Лагорт.

Он молчал, сверля меня испепеляющим взглядом.

– Вот и поговорили, – я направилась к выходу. – Теперь у вас есть выбор. Или вы помогаете мне, как законной герцо-

гине Минраха...

Остановившись в дверях, сухо закончила:

– Или я лично расскажу герцогу, куда делось зерно. И поверьте, мой муж поверит мне, а не вам.

Не дав ему ответить, я вышла. Он остался среди гниющих запасов. А у меня в душе разливалось удовлетворение: теперь я была уверена, что он не побежит к Каталине и ничего ей не скажет.

Наоборот, будет молчать, если не хочет лишиться теплого места и головы.

– Идем, Миранда, мы еще южные кладовые не посмотрели.

К полудню я была совершенно вымотана, но не осмотрела и восьмушки замка, таким огромным он был. Противостояние с управляющим, отказы старших слуг даже встретиться со мной, беготня по хозяйственной части – все это лишило меня последних сил.

Однако стоило упасть в полюбившееся мне кресло, как раздался стук в дверь.

Вернувшаяся Миранда протянула мне записку, сопроводив пояснением:

– Горничная ее светлости ждет за дверью.

Ага, значит, вести о моей инспекции закровов уже дошли

до вдовствующей герцогини, и она жаждет меня увидеть.

Слух в очередной раз царапнуло обращение служанки, которая тоже упрямо звала меня «госпожой», а Каталину – «ее светлостью». Однако я не подала виду и развернула записку.

Почерк у свекрови оказался таким же строгим, прямым и категоричным, как она сама. Строки ложились ровно, как по дощечке, с которой юные леди учатся писать.

Каталина приглашала меня на полуденный чай. Поскольку полдень уже миновал, это означало «немедленно». Вдовствующей герцогине не терпелось объяснить зарвавшейся невестке, кто хозяйка в замке Минрах, а кому стоит напомнить, где ее место.

Уверена, большинство обитателей замка разделяло мнение Лагорта, что я одна из череды многих, скоро умру, и меня сменит другая.

Придется их разочаровать.

Я небрежно бросила записку на столик, даже не пытаюсь скрыть текст от Миранды.

– Передай на словах, – велела ей, – что я устала, пока занималась хозяйственными делами, которые порядком запущены. Однако с удовольствием встречу с матушкой за ужином.

«Матушка» я произнесла с лицемерной нежностью. Надеялась увидеть на лице горничной очередную гримасу, но та лишь кивнула и отправилась отвечать грубым отказом на завуалированный приказ.

Миранда передала мои слова в точности. Потому что спустя десять минут в покои ворвалась вдовствующая герцогиня.

– Не лезь в то, что тебя не касается! – заявила она с порога.

Я по-прежнему отдыхала в кресле, отправив горничную за обедом. Поэтому пришлось принимать удар без свидетелей.

– О чем вы, матушка? – почти искренне удивилась я.

В отличие от Каталины, гневно раздувающей крылья аристократического носа и хмурящей тонкие брови, мое лицо было умиротворенно-спокойным. Лишь Всемогущий знал, с каким трудом мне это удалось. Однако оно стоило приложенных усилий.

Старая герцогиня побелела от гнева. Казалось, еще немного – и она набросится на меня.

Каталина подошла вплотную, уперлась ладонями в подлокотники кресла и наклонилась ко мне. Ее лицо оказалось возле моего. Я могла разглядеть каждую морщину на ее лице и даже расслышать скрежет зубов.

В блеклых старческих глазах отражалась неприкрытая ненависть.

– Это мой замок и мое герцогство! Твой статус не дает тебе никаких прав, кроме права рожать наследников моему сыну. Ты здесь никто, поняла?

Ее несвежее дыхание касалось моего лица, как и мелкие брызги изо рта.

– Поняла, матушка, – ответила я покладисто, добавляя: –

Поняла, что вам не стоит есть блюда с чесноком. Запах изо рта долго сохраняется.

А затем аккуратно прикрыла нос надушенным платочком.

Каталина отпрянула, словно я ударила ее по лицу.

Ее впалые щеки порозовели, как от пощечины. Тонкие губы задрожали, но лишь на мгновение. На лицо вернулось выражение ненависти, возросшее стократ.

– Ты проклянешь день, когда ступила на землю Минраха!
– прошипела она и бросилась прочь, по пути едва не сметя Терезу с подносом и идущую за ней Миранду.

– Уже прокляла, – тихо ответила я ей в спину.

Итак, противостояние со свекровью переросло в открытую вражду. Первая битва осталась за мной, поскольку противник в спешке покинул поле боя. Однако война только начиналась.

Визит свекрови меня взбодрил. Я уже не чувствовала себя вымотанной. Напротив, кровь в венах бурлила, требуя действовать, душу захлестывала жажда жизни.

Как и утром, я велела служанке отведать каждое блюдо, а затем с аппетитом, какого давно не испытывала, съела суп, фаршированного перепела и корзиночки из пресного теста со сладким сливочным кремом и ягодами.

Закончив трапезу, я отпустила Терезу с пустой посудой и Миранду, которая все время обеда стояла поодаль, наблюдая за мной с нечитаемым выражением на лице. Схватку со свекровью она пропустила, но вряд ли не заметила, что та была

серой от ярости. Интересно, что горничная сообщит моему мужу?

Я чувствовала, что вступила в клубок ядовитых змей. Однако больше не испытывала страха. Напротив. Лучше открытая вражда, нежели множество мелких пакостей из-за спины. Теперь герцогиня слишком ненавидит меня, чтобы продумывать интриги. Значит, выше вероятность, что она ошибется. А уж я не премину указать на это Гидеону и настроить их друг против друга.

Стоило вновь подумать о муже, как в дверь постучали. Миранда еще не вернулась, а мой голос из этой комнаты не был слышен в коридоре. Вставать не хотелось. Да и нужно ли? У двери стоит небольшой столик как раз для таких случаев. Пусть служанка положит на него записку, а Миранда, вернувшись, принесет мне.

Я усмехнулась. Когда у меня успели сформироваться такие привычки? И тут же помрачнела. Именно тогда, на острове, когда сердце любимого остановилось, я перестала быть нежной и доброй Хлоей. Во мне что-то умерло. Надеюсь, это была не моя человечность.

Я прикрыла глаза, пережидая приступ душевной боли. Положила ладони на живот, вспоминая о сыне, и мне стало легче. Перекрывающий дыхание колючий комок уходил, я снова могла дышать.

Стук в дверь повторился. Значит, что-то важное, что не может ждать. Пришлось покинуть уютное кресло и идти от-

крывать.

Снаружи стоял пожилой мужчина. Высокий и худой, но сохранивший военную выправку. Идеальная осанка и скупые, точные движения заставляли подсознательно его опасаться. словно он нес опасность для меня или моего сына.

– Добрый день, ваша светлость. Я Паскаль, камердинер вашего супруга. Пришел с сообщением, что его светлость ожидает вас на ужин сегодня вечером в семейной столовой. Что передать моему господину?

К моему удивлению, он низко поклонился, как и полагается при встрече с герцогиней. Да и тон его был почтительным. Так что я не стала капризничать, тем более Гидеон – это не Каталина, с ним не стоит вступать в открытую битву. Пока.

Вариант ответа был только один – «да». Его я и озвучила. Паскаль еще раз поклонился и ушел.

А я закрыла дверь, размышляя, есть ли какой-то подвох в том, где именно герцог назначил мне встречу?

Глава 9

Вечерние тени уже сгущались за окнами, когда Миранда помогла мне облачиться в темно-синее платье с серебряной вышивкой – достаточно скромное для семейного ужина, но подчеркивающее мой статус.

В зеркале наша пара отражалась, как две фигуры в тщательно отрепетированном спектакле: благородная дама и ее преданная служанка.

Преданная...

Только не мне.

Когда Миранда отвернулась, чтобы достать из шкатулки украшения для волос, я провела ладонями по бедрам, ощущая под пальцами мягкий бархат. В боковых швах платья были вшиты карманы – маленькие, почти декоративные, но достаточно вместительные для платка или флакончика духов.

Правый карман оказался пустым.

Левый – тоже.

Но когда я проверила его еще раз, кончики пальцев наткнулись на что-то плотное.

– Миранда, что это...

Я замолчала, почувствовав, как сердце резко забилося.

Внутренний шов кармана был аккуратно распорот – не по-

рван, а именно разрезан острым ножом, чтобы можно было просунуть внутрь что-то мелкое. Мои пальцы скользнули в образовавшуюся щель и коснулись шершавой поверхности.

– Госпожа, вы меня звали?

Я резко вскинула голову.

Миранда стояла в двух шагах, держа черепаховый гребень. Ее темные глаза, обычно невозмутимые, пристально изучали мое лицо, затем взгляд скользнул вниз – к сжатой ладони.

– Что-то не так с платьем?

Я выдохнула и убрала руки за спину. Покачала головой:

– Нет, все в порядке. Просто... нервничаю перед ужином.

Ее губы дрогнули в подобии улыбки.

– Вам не о чем беспокоиться.

– Да, ты права, – я сделала шаг к окну, чтобы скрыть дрожь. – Но, знаешь... принеси мне воды. В горле пересохло.

Она направилась к столику, где стоял хрустальный графин.

– Нет! – мой голос прозвучал резче, чем я планировала. – Лучше... лучше прикажи заварить успокаивающий сбор.

– Хорошо, госпожа.

Миранда поклонилась и вышла, не задавая лишних вопросов. Но в последний момент, перед тем как закрыть дверь, она бросила на меня долгий, пронизывающий взгляд.

Как только ее шаги затихли в коридоре, я вытащила находку – клочок бумаги, застрявший в подкладке.

Развернув записку, прочла: «Если хотите выжить и выносить дитя, приходите после полуночи к покоям леди Элени. Не доверяй тем, кто рядом. Не пейте воду вечером».

Буквы были неровными, словно писались в спешке. Чернила – бледно-синими, будто их разбавили, чтобы сэкономить.

Кто мог оставить это? Миранда? Но зачем ей прятать послание, если она могла передать его устно?

Кто-то другой? Тогда почему выбрал именно этот способ?

И самое главное – почему покои Элени?

Скрипнула дверь. Это вернулась Миранда. Я успела сунуть записку в рот до того, как она вошла, неся на подносе дымящуюся чашку.

– Госпожа, ваш отвар.

Я дождалась, пока она поставит его на стол. Потом, обжигаясь горячим варевом, начала делать крупные глотки.

Протолкнуть записку в горло оказалось непросто. Дело усложняли глаза, чуть прищуренные, недоверчивые, которые проследили за мной.

Справившись, я не сдержала облегченного вздоха.

– Госпожа?

Голос Миранды заставил внутренне вздрогнуть.

Неужели что-то заметила?

Я искоса глянула на нее. Но она всего лишь протянула мне ажурную шаль:

– Вечером в залах дует.

Я кивнула, позволяя накинуть ткань мне на плечи.

– Ты права, воздух действительно сыроват...

Столовых в замке было четыре. Парадная, где принимали первых персон королевства и соседних земель. Большая – для званых обедов. Малая – там я обедала с новоявленной «матушкой» и «сестрами».

Семейную я еще не видела, но по дороге Миранда коротко объяснила, что она маленькая и уютная. Могла бы быть такой, если б на ужин меня не пригласил мой муж.

Когда я вошла, там уже горели свечи в массивных канделябрах. Огонь отбрасывал дрожащие тени на развешанные по стенам портреты. Мрачные лорды с суровыми лицами, строгие леди – это были предыдущие герцоги и герцогини Минраха. Их глаза, написанные с редкостным мастерством, поблескивали как живые.

Гидеон ждал меня. Он сидел во главе стола, его длинные пальцы нетерпеливо крутили вилку. Каталина, облаченная в черное бархатное платье, заняла противоположный конец.

По обе стороны от матери сидели Малена и Лиара. А предназначенные мне приборы стояли слева от Гидеона. Жена всегда сидит слева от мужа. Ближе к сердцу. А справа – его первенец, наследник и сын.

– Наконец-то, – прошипела Каталина, постукивая ногтя-

ми по хрустальному бокалу. – Мы уже начали думать, что ты решила проигнорировать приглашение мужа. Или, может, тебе не по нраву наше общество?

Малена тут же подхватила, пряча ухмылку за веером:

– Наверное, наша скромная трапеза кажется ей недостойной герцогского стола. Ведь там, откуда она приехала, должно быть, последние нищие пируют как короли!

Лиара глупо хихикнула.

– Если бы вы хоть раз побывали за пределами Минраха, – мягко ответила я, – то знали бы, что в остальном мире люди ценят не роскошь, а искренность. Но вам, похоже, это неизвестно.

Гидеон с громким стуком поставил бокал.

– Хватит! – его голос, как удар хлыста, заставил всех вздрогнуть. – Я не для того собрал семью, чтобы слушать ваши перепалки.

Он отрезал кусок оленины, кровавый сок выступил на золотистой корочке.

– Я уезжаю на рассвете. Мое присутствие требуется в столице. Пришла пора обновить и зарядить королевские артефакты. Мать остается за главную, – взгляд мужа, тяжелый как свинец, уперся в меня. – Если будут вопросы – обращай к ней. Поняла?

Я намеренно сделала паузу, прежде чем ответить:

– Как... неожиданно... И надолго?

Похоже, о моем самоуправстве ему не доложили. Или он

не считает нужным заострять на этом внимание.

– Дней десять в одну сторону. Может, больше, – Гидеон бросил вилку с таким звоном, что стоящий рядом слуга нервно вздрогнул. – Надеюсь, ты довольна.

– Конечно, ваша светлость, – произнесла ровным тоном.
– Разве могу я быть чем-то недовольна?

А сама медленно провела пальцами по краю стола, чувствуя гладкость полированного дерева. Нащупала вилку и нож.

Нож...

То, что нужно, если все же решусь совершить ночную вылазку в покои Элени. Но даже если не решусь, лишняя защита мне не помешает. Особенно теперь, когда герцог уедет.

Я аккуратно сдвинула льняную салфетку так, чтобы она накрыла приборы. И неловким движением уронила бокал:

– Ой!

Хрусталь разлетелся в разные стороны. Брызги воды попали на платье. Ко мне тут же бросились слуги. Гидеон молча скрипнул зубами, а его мать побелела от злости.

– Ты! – прошипела она. – Это было сапфировое стекло! Ты хоть представляешь, сколько стоит такой бокал?

– Простите, это вышло нечаянно, – пробормотала я, одновременно стаскивая со стола и нож, и салфетку.

– Что-то ты сегодня такая неловкая, – пропела Малена. Ее голос сочился ядом. – Уж не заболела ли ты, невестушка?

– Или, может, твое... положение на тебя так влияет? –

подгавкнула Лиара.

Я улыбнулась им и спрятала нож в складки платья. А потом разгладила на коленях салфетку и намеренно перевела взгляд на свекровь:

– Всего лишь немного устала, матушка. Вынашивать вашего внука очень непросто.

Гидеон вдруг громко хлопнул ладонью по столу, заставив подпрыгнуть посуду.

– Хватит ваших игр! – прорычал он, обрывая хихиканье.
– Я объявляю тост.

Он поднял бокал:

– За Минрах! И за то, чтобы в мое отсутствие здесь все оставалось... спокойным.

Его мать и сестры присоединились к нему.

Мне подали новый бокал. Я прикоснулась губами к краю и вдруг наткнулась на пристальный взгляд Каталины.

«Не пейте воду вечером», – пронеслось в голове.

– Обещаю, что буду вести себя тихо, – прошептала я, раздвигая губы в улыбке и отставляя бокал. – Очень тихо.

Весь ужин я сдержанно улыбалась на колкие слова свекрови и невесток, изредка отвечая им тем же. Почти не замечала, что за блюда мне приносят и каковы они на вкус. От постоянного напряжения ныли спина и пальцы, сжимавшие приборы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.